

Колдовские
М И Р Ы

БРАК — ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА РАЗВОДОВ

Татьяна
Коростышевская

ОПОМНИСЬ,
ФИЛОМЕНА!

Аквадоратский цикл

Татьяна Коростышевская

Опомнись, Филомена!

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коростышевская Т. Г.

Опомнись, Филомена! / Т. Г. Коростышевская — «Эксмо»,
2020 — (Аквадоратский цикл)

ISBN 978-5-04-157445-1

Кто только не прячется под карнавальными масками Аквадораты! Древние вампиры, интриганы и заговорщики... Даже его сиятельство дож любит прогуляться под видом простого капитана. Разве может благородная донна Филомена Саламандер-Арденте не отправиться за своей порцией любви и приключений, надев маску, под которой ее точно никто не узнает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157445-1

© Коростышевская Т. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Опомнись, Филомена!

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Коростышевская Т. Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

Война мышей и саламандр

Самый темный ночной час, когда законопослушные обыватели спят в своих кроватях, а лиходеи в отсутствие первых спят в своих, у порога мрачного дома, что на улице Трех Лун, раздался плеск весла. Гондола с потушенным фонарем приблизилась, и одетая в черное фигура тяжело запрыгнула на каменный парапет. Дверной молоток стукнул раз, другой, скрипнула дверца смотрового окошка.

– Сеют ли в ваших краях семена... – Посетитель чертыхнулся, откашлялся и начал заново: – Сеют ли в ваших краях семена желтого аира, зеленого аниса и синего хумуса?

За окошком молчали. Фигура в черном изогнулась, у края рукава зажегся огонек, осветивший другую руку закутанного в балахон мужчины, к слову, довольно пузатого.

– Простите, брат-шестой. Аир, конечно же, зеленый, анис – желтый, а синий... Е-ли-ледж?!

Шпаргалка была предусмотрительно написана чернилами на ладони посетителя.

– Их засевают в сердцах верных, – недовольно ответил привратник, и дверь распахнулась ровно настолько, чтоб пузан мог в нее протиснуться.

Все тайные общества во всех обитаемых мирах похожи друг на друга, особенно в страсти к посевной терминологии. Еще члены их скрывают свои лица и имена и выбирают для тайных встреч самые темные часы ночей.

Члены конкретно этого общества заседали в подвале и ожидали лишь прибытия своего десятого члена, того самого предусмотрительного толстяка. Под низкими сводами зашелестели приветствия и упреки.

– Я собрал вас нынче, братья, – начал первый, сидящий во главе овального деревянного стола, на котором лежало нечто, накрытое до времени парчовым покрывалом, – потому что час наш близок.

– При всем уважении, – четвертый брат славился своей сварливостью, – в прошлый раз вы говорили то же самое, когда старикан Дендуло отбрасывал копыта в спальне своего дворца, а горожане стонали на площадях, сожалея о кончине «душки дожа».

– И если бы четвертый брат распорядился своим голосом так, как было договорено... – начал язвительно брат-второй.

– И если бы десятый...

– Мы получили бы уже своего карманного правителя!

– Трусость!

– Измена. Каждый хотел чужими руками жар загребать.

– Тишина! – велел первый, и его окрик заставил присутствующих замолчать. – Претензии будете высказывать друг другу в своих гостиных. Изменники покараны, и больше к этой теме мы возвращаться не будем.

Присутствующие осторожно выглянули из-под низких капюшонов, пересчитывая соседей. За столом из «Другого Совета десяти» сейчас сидело только девять человек.

– Как давно? – осторожно пискнул десятый. – То есть хотелось бы знать, когда произошла... гм-м... км-м... экзекуция?

Первый жестом фокусника сдернул парчовое покрывало.

– Это синьор Ко... – начал десятый, глядя на мертвую человеческую голову в центре стола.

– Тишина!

И тишина наступила, испуганная и густая, как патока.

– Надеюсь, следующие выборы пройдут к нашему всеобщему удовольствию.

– Но дож Муэрте молод и полон сил. – Четвертого брата мертвые головы не пугали, он на них без счета насмотрелся. – До следующих выборов доживут лишь самые юные из нас.

– Дожд скоро нас покинет. – Брат-первый медленно повел головой, будто осматривая соратников раструбом капюшона.

– Но покушения проваливаются одно за другим! Хитрый мальчишка разбирается в ядах и приставил пробовать свою еду сыновей всех аристократических фамилий города!

– У Муэрте тоже есть слабости.

– Женщины? – фыркнул четвертый. – Мы пытались, но...

– Его пожрет гнев моря.

«Другой Совет десяти» разошелся под утро. Члены его по одному покидали дом в неприметных бесфонарных гондолах.

Синьор Артуро Копальди выбрался из-под стола, когда плеск весла последней гондолы замер в отдалении.

– Шея затекла, – сообщил он брату-первому, уже снявшему капюшон и разливающему по бокалам вино из пузатой бутылки. – Дырку пропилить можно было бы и побольше.

– В следующий раз пили сам. – Главный заговорщик подал бокал. – Хотя в другой раз надо будет изобрести что-нибудь новенькое. Они, конечно, болваны, но не идиоты же.

– Не унижай подданных. – Копальди пил, жмурясь от удовольствия. – Даже светочу разума не пришло бы в голову, что тайное общество злоумышлений против дожа возглавляет сам дож.

Синьор Муэрте скривился:

– Представляешь? И это сам!

– И шапка!

– Проклятая шапка! Она давит на голову!

– О, про настоящее давление тебе много может поведать моя шея.

Они расхохотались, сразу будто сбросив десяток лет, оказавшись молодыми, не разменявшими еще четвертого десятка людьми.

* * *

Королеву делает свита, решила я, изображая всем видом вдохновенный восторг. Маэстро Калявани как раз извлек из инструмента первый пронзительный звук, и я знала, что его цепкие глазенки, полуприкрытые в творческом экстазе, наблюдают за нами. Музыку я вовсе не обожаю, зато знаю, сколь ценно музыканту восхищение слушателей.

«Рыбы вы снулые, – скажет после маэстро, – берите пример с синьорины Саламандер-Арденте, вот кто умеет чувствовать!» А я покраснею, опущу глаза, ощутив зависть униженных товарок. Синьор Калявани с его волшебной виолой пользовался на материке столь бешеной популярностью и обошелся городской казне в столь кругленькую сумму, что вздорная сварливость музыканта простилась. Сейчас в классной комнате сидело два десятка дочерей самых аристократических и богатых фамилий Аквадораты, и каждая из синьорин стерпит от старого пенька любую гадость.

Каждая, кроме Филомены Саламандер-Арденте, то есть кроме меня.

Виола стонала. Я продолжала лениво размышлять. О свите, которая делает королеву. Саламандер-Арденте не могли похвастаться ни особым богатством, ни родовитостью. По крайней мере здесь, в «Златых водах». Именно так дословно переводится название нашего благословенного города-государства. Здесь обитают толстосумы не в первом и даже не во втором поколении, и плевать, что предки достойных купцов оставили им состояния, сколоченные пиратством и разбоем.

Папаши-лиходея принято стыдиться, дедушка же, за жизнь свою сгубивший сотни невинных душ и потрошивший трюмы захваченных галеонов, вызывает умиление. Портрет лихого пирата заказывают маститым художникам и вешают на видное место в гостиной. Мой дедушка разводил саламандр. И прадедушка. И так далее, до самой верхушки семейного древа. Разумеется, не обычных, а огненных, иначе, боюсь, сейчас я не сидела бы в классной комнате «Нобиле-колледже-рагацце», школы для благородных девиц, а выгребала бы саламандровый навоз из саламандровых стоил на материке, ну или что там выгребают. Огненные же саламандры – существа волшебные, прихотливые и востребованные, и да, навоза не производят, извергая наружу пламя.

Классная саламандра лежала сейчас в камине, свернувшись калачиком на тлеющих углях. Крупный метис, так называемый саламандер ординарис. Потратившись на учителя музыки, школе приходилось экономить на всем остальном, уж городской совет об этом позаботился.

Я отвела взгляд от камина и прижала к груди молитвенно сложенные руки. Синьор Калявани как раз выводил сложный пассаж. Одна из его щек так сильно вжималась в лаковый бок виолы, что кожа побелела и сложилась плечеными складками. Сидящая впереди меня Маура да Риальто мелко затрясла плечами, сдерживая смех. Она вообще смешливая, эта пухленькая блондинка с круглыми, будто от вечного удивления, глазами.

Я незаметно дернула завитой белокурый локон, призывая подругу к порядку. Вторая моя «фрейлина» – смуглая синьорина Маламоко, чей столик стоял в другом ряду, у одного из высоких окон, подмигнула мне черным хитрым глазом. Род Маламоко исправно поставлял членов в надзирающий за тайными делами Совет десяти, наверное с момента основания города, так что хитрость Карлы была чертой семейной. Другим ее полезным мне свойством была информированность. Подруг я выбрала тщательно.

Мелодия закончилась оглушительным стаккато. Синьор Калявани отвел смычок и замер, давая звукам впитаться в тишину.

– Браво! – проартикулировала я губами. – Волшебное... невероятно...

– Рыбы вы снулые, – сказал маэстро. – Берите пример с синьорины Раффаэле, вот кто умеет чувствовать!

Раффаэле? Кто это, морской кракен ее раздери?

Медленно, очень медленно я обернулась, найдя взглядом фигурку в сером, мышинового цвета, платье. Новенькая ученица съежилась за своей последней партой, будто пытаясь спрятаться от чужого внимания. Щеки ее смущенно алели, карие глаза с мольбой воззрились на учителя.

Мышь!

– Дитя мое, – продолжал Калявани, – одна маленькая птичка шепнула мне, что ваше владение инструментом безупречно.

Опустив взгляд, мышь возразила:

– Маэстро Пикколо, мой прежний учитель, слишком добр ко мне.

Калявани протянул вперед инструмент:

– Синьорина Паола, прошу.

Девушка подчинилась. Медленно, будто на плаху, она подошла к маэстро, приняла виолу, тряхнула головой, убирая с плеча тяжелый русский локон.

Я покосилась на Карлу, та пошевелила бровями. Значит, на перерыве я узнаю всю подноготную моей новой неожиданной соперницы. Звание лучшей ученицы «Нобиле-колледже-рагацце» далось мне непросто, и я не собиралась его терять.

Паола Раффаэле резко бросила смычок на струны, подняв в воздух облачко канифоли, и страстная мелодия рыбацкой сетью опутала присутствующих, сжала, лишая способности сопротивления.

Когда музыка стихла, на несколько минут воцарилась ошеломленная тишина, сменившаяся аплодисментами. Я тоже хлопала, вовсе не от восторга. Пусть все видят, что синьорина Саламандер-Арденте – не мелочная завистница.

На овациях урок закончился, девушки потянулись к выходу из класса.

– Бедняжка Филомена, – протянула Бьянка Сальваторе, расчетливо столкнувшись со мной в дверях, – наверное, трудно смириться с поражением?

– Не сложнее, чем тебе избавиться от веснушек, дорогая, – вздохнула я сочувственно. – Лимонный сок, как я вижу, лишь иссушил твоё личико.

Свита синьорины Сальваторе едва сдерживала смешки. Мода аквадоратских дам предписывала им быть светложими и рыжеволосыми, поэтому Бьянка проводила долгие полуденные часы в солярии, расправив свои каштановые кудри поверх полей плетеной шляпы. Но солнце беспощадно, оно одарило носик и щеки синьорины коричневыми пятнышками.

Отодвинув Бьянку плечом, я вышла в коридор, не забыв тряхнуть волосами с расчетом, чтоб моя светло-рыжая грива хлестнула обидчицу по лицу.

Уж мне-то лишний раз жариться на солнце не требовалось.

– Аквадоратская львица в гневе? – спросила Карла, нагоняя меня под аркой, спускающейся в сад лестницы. – Сальваторе рыдает на подоконнике.

– Слезы ей к лицу, – фыркнула я, выбирая скамью в тени розовых кустов и усаживаясь на нее. – Где Маура?

– Остановилась поболтать с новенькой, синьориной Паолой. – Карла тоже присела и поставила между нами изящную корзинку с завтраком.

– И каким ветром занесло к нам столь одаренную музыкантшу?

Школьная кухарка происходила из Маламоко и собирала Карле столь объемные перекусы, что уже который год мы делили их на троих.

– Торговый дом Раффаэле. – Карла накрыла кусочек чабаты толстым ломтем мягкого сыра. – Пряности, диковинки, экзотическая древесина из южных колоний.

– Богаты?

– Более чем. Синьорина Паола занимает одну из первых строчек в списке богатых невест. Подозреваю, что...

Поверх сыра расположился строй оливок и веточка зелени. Карла неприлично широко открыла рот и откусила от этой башни изрядную часть.

– Я не ревную.

Пояснения мои перекрывались чавканьем. Уж чем-чем, а приличиями моя подруга не заботилась, по крайней мере наедине. Покушать она любила, что нисколько не вредило ее сухощавой изящной фигуре. Маура, к примеру, клевала, как птичка, ограничивала себя буквально во всем, но выглядела при этом сдобной булочкой. Я находилась на средней позиции – ростом повыше синьорины да Риальто, но ниже Маламото, пышнее последней.

Мы трое представляли собой, если так можно выразиться, комплект всех возможных женских прелестей. Брюнетка, блондинка, рыжая, с черными, голубыми и аквамаринowymi глазами, соответственно. Неявный девичий закон гласил, что в подруги себе следует выбирать дурнушек, чтоб выгодно выделяться на их фоне. Я же выбрала красавиц и не прогадала. Наше трио было столь прелестно, что каждая из нас казалась окружающим еще красивее.

Нам было по шестнадцать, когда мы оказались в «Нобиле-колледже-рагацце», учрежденном прежним дожем для обучения наукам и искусствам дочерей благородных фамилий. На материке образованием женщин не занимались, и Аквадората немало гордилась прогрессивным нововведением.

Я тогда только начинала утрачивать подростковую угловатость и робела в компании более титулованных и нарядных синьорин. Как оказалось, робость в девичьей компании является

грехом непростительным. В первый же день меня подстерегли в темном коридоре, ведущем к дортуарам, и вознамерились проучить.

– Безродные крестьяне подобны домашнему скоту, – сообщила мне Бьянка, поигрывая серебряным кинжалом, до этого момента скрытым в изящном веере, – а коров принято клеймить. Сейчас мы исполним этот древний обычай, не будь я маркизетой Сальваторе.

К несчастью последней, маркизет, дочерей маркизов, видимо, не обучали искусству кулачного боя. А у Филомены Саламандер-Арденте было пять старших братьев. Кинжал я храню в резной шкатулке у изголовья вот уже три года. А ножны-веер, по слухам, Бьянка сожгла в камине в ту самую ночь, прижимая к лиловому глазу наполненный льдом коровий пузырь.

Карла подошла ко мне первой и предложила стать соседками по комнате. Третьей с нами оказалась Маура, сотрясаемая рыданиями от разлуки с матушкой.

Так у меня появились подруги. Теперь-то я могу говорить, что сама, дальновидно и расчетливо, выбрала их, но случай и судьба сыграли тут не последнюю роль.

Маура да Риальто происходила из богатейшей аквадоратской фамилии, настолько состоятельной, что маркизета Сальваторе могла лишь скрипеть зубами в бессильной злобе. Карла говорила, что от титула дожа на последних выборах батюшку Мауры отделяло каких-то два голоса.

Итак, мы поселились втроем и на занятиях старались держаться вместе. Я дралась еще дважды, оба раза моими соперницами были науськанные Бьянкой девицы, отрабатывающие наказ без огонька и задора. Но после того, как Карле Маламоко удалось передать послание одному из своих кузенов и получить ответ, нападения прекратились. Информация, которой нас одарили, оказалась столь пикантной, что самомнение синьорины Сальваторе лопнуло мыльным пузырем.

Жизнь в школе скорее можно было назвать выживанием. Мы столкнулись с неравным отношением учителей, унижением, поборами. Нас учили музыке и рисованию, истории, литературе, астрологии и искусству составления ароматов, беседам и политесу, риторике и танцам. Я хотела стать лучшей. В конце концов, это было единственным для меня шансом на достойную партию. А когда на первом школьном балу Маура представила мне тридцатилетнего на тот момент Эдуардо да Риальто, своего старшего брата, я поняла, за кого именно выйду замуж. Золотистые волосы Эдуардо, голубые глаза Эдуардо, твердая рука Эдуардо на моей талии вот уже почти три года были в моих мечтах.

И я стала лучшей. Ночами зубрила даты и имена, названия созвездий, фигуры танцев, титулования и обращения. Ни в чем я не была талантлива, оказавшись хороша во всем. Учителя меня обожали, соперницы завидовали, подруги составляли свиту негласной королевы «Нобиле-колледже-рагацце». Впереди нас ждал осенний бал, после которого мы выпорхнем во взрослую жизнь, шурша дипломами выпускниц и рекомендательными письмами, а у меня на пальце еще будет поблескивать кольцо Эдуардо. Потому что на балу я объяснюсь и получу предложение.

Это будет наша девятая встреча. На память о каждой я хранила что-то в шкатулке у изголовья. Первый осенний бал – носовой платок, который синьор да Риальто подал мне с пола, зимний – жемчужные сережки, которые он похвалил, весенний – перчатка... Кинжал Бьянки уже давно погребен под ворохом памятных вещей. Особое место среди них занимает веточка омелы, под которой мы с Эдуардо поцеловались.

Скрывать свои чувства от подруг мне удалось недолго. Карла саркастично расхохоталась, заметив, как я вывожу на полях тетради вензеля «Э» и «Р», а Маура всхлипнула и, обняв меня, сообщила, что будет рада такой невестке.

Три года я любила и была верна, изводя «фрейлин» беседами о предмете страсти, те же выказали неприличную ветреность. Впрочем, присущую всем ученицам «Нобиле-колледже-рагацце». Мужчины школу посещали не часто, но каждый из них становился объектом

томных взглядов и девичьего кокетства. Даже зеленщик, плотник и пожилой учитель музыки маэстро Калявани. Что же происходило, когда объявлялись вакации и у порога школы выстраивалась вереница гондол с братьями и кузенами, разбирающих учениц по домам, не поддавалось описанию.

У меня пять братьев: Филомен, Филидор, Филиппо и Франциско, Флоримон. И трое младших – близнецы Филиппо и Франциско, и Флоримон, – всего годом старше меня, получили за эти годы такое количество любовных посланий, что могли бы на манер шпалер оклеить ими гостиную дома Саламандер. И ограничились лишь гостиней просто потому, что Филомен Саламандер-Арденте более пяти лет бороздит южные моря в чине капитана, а Филидор преподает на материке в университете.

Из многочисленных повторений имен, начинающихся на «Ф», можно сделать вывод, что достойные мои родители, во-первых, обладают неординарным чувством юмора, а во-вторых, очень хотели произвести на свет девочку, поэтому изящно закольцевали отпрысков Филоменой, женским вариантом имени первенца.

– Однако, – прожевав, Карла отвлекла меня от воспоминаний, – забавно, что Паола Раффаэле появилась в нашей школе за полтора месяца до выпуска.

Информированность синьорины Маламоко объяснялась тем, что вчера вечером она в очередной раз сбежала на свидание с одним из своих многочисленных кузенов. И мы с Маурой до четырех утра по очереди дежурили у двери, прислушиваясь к плеску весел, чтоб незаметно вернуть беглянку в спальню.

– Продолжай, – попросила я, ощипывая гроздь винограда.

Мауре грозило остаться без завтрака, но она сама виновата.

– Как думаешь, сколько ей может быть лет?

– Не больше двадцати, – я поморщилась от кислого вкуса, – как и всем нам.

– Двадцать пять не хочешь?

Я ахнула, а синьорина Маламоко торжествующе продолжала:

– В колониях у нее, по слухам, случился пылкий роман с неким капитаном, и папаша притащил дочурку в столицу, чтоб сбыть с рук, пока товар совсем не испортился.

– Товар попорчен? – переспросила я многозначительно.

Карла пожала плечами:

– Точно никто, кроме нее, не скажет, но дело там дошло до клятв и обмена кольцами. Че... то есть кузен...

– Подруги называется! – пронзительный возглас синьорины да Риальто, сбегающей по ступеням, заставил Карлу замолчать. – Ничего мне не оставили?

Я посмотрела на ощипанную кисть винограда и покраснела. Маура подбежала к скамье и стала рыться в корзинке. Там обнаружился обломок чиабаты, и девушка немедленно им захрустела.

Карла отряхнула с пальцев крошки.

– Ты хорошо знакома с синьориной Раффаэле?

– Прошлым летом в путешествии мы остановились на острове Помо-Комо у тамошнего губернатора.

Карла и я забросали подругу вопросами, на которые получали слегка невнятные из-за булки ответы.

Да, Паоле крепко за двадцать, и нет, раньше она не изображала всем своим видом серую мышку, напротив, слыла красавицей и умницей, каких мало. Завела на своем острове салон, где собирался весь свет искусств и литературы, занесенный ветром путешествий в колонии. Мауру тогда сочла легкомысленной пустышкой, едва удостоила беседой.

– Теперь лебезит, – хихикнула синьорина да Риальто, расправившись с чиабатой, – просит опекать в новой школьной жизни. А школы той меньше двух месяцев осталось.

– Надеюсь, ты проявила радушие и приветливость? – строго спросила Карла.

– Вот еще! – фыркнула Маура. – Все ей припомнила. И шпильки ее обидные в мой адрес, и то, что она, презрев обязанности хозяйки, не обеспечила меня партнерами в танцах, забастав всех себе, и неприглашение на лодочную прогулку. Все!

– Подожди, – сказала я, – твои претензии могут касаться хозяйки поместья, а вовсе не дочери.

– Она и была хозяйкой! Филомена, в колониях нравы менее строги, чем в столице, к тому же синьор Раффаэле – вдовец, поэтому всем заправляла дочурка.

Маура поискала глазами, что еще пожевать, не нашла и приблизилась к питьевому фонтанчику, накрыв его губами.

Мы с Карлой переглянулись. Новая соперница нравилась мне все меньше.

Школьный колокол возвестил окончание паузы.

– Будем наблюдать, – решила синьорина Маламоко.

К полудню раздражение мое достигло точки кипения. Паола Раффаэле щадить соперниц не собиралась. На каждом уроке она нашла повод продемонстрировать свои таланты. Стихосложение? Легкая победа в импровизации. История? Цитирование по памяти древних трактатов. Риторика? И тут Паоле не было равных. Прочие ученицы явно ожидали, когда в схватку вступлю я.

– Мы теряем авторитет, – прошептала Маура за обедом, наблюдая, как Бьянка приветствует новенькую, предлагая той кушанья. – Придумай что-нибудь.

– Филомена, остынь, – шептала в другое ухо Карла. – Бить надо наверняка.

Обе они были правы. Послеобеденную сиесту я решила посвятить размышлениям. Думать, лежа в тенике под навесом, укрывшим часть солярия, получалось плохо. Поэтому, пока девушки лениво болтали или дремали, пережидая самое жаркое время, отправилась бродить по школе. Обычай сиесты в Аквадорате соблюдают все.

Меряя шагами пустые коридоры и лестницы, я думала.

Взрослая образованная девушка, которой является синьорина Раффаэле, даст мне сто очков вперед. Что и было всем нынче предъявлено. Оставить все как есть, и будь что будет. Ну что страшного, если Саламандер-Арденте сдвинется с первой на вторую строчку успеваемости? Всего лишь не получу отличительного знака и не мое имя выбьют на мраморной стене почета. Карарский мрамор пока был девственно чист, и быть на нем первой – так сказать, первой из первых – было бы крайне лестно. А еще Эдуардо... Будет ли достойна его вторая?

– Филомена? – прошелестел под сводами голос сестры Аннунциаты.

Обернувшись на звук, я увидела полуоткрытую дверь школьной библиотеки.

– Ты снова презрела отдых?

Войдя в библиотеку, я присела в поклоне:

– Простите, госпожа директриса, нынче не получается себя обуздать.

Монашка сложила сухие ладони поверх листов раскрытой книги.

– На уроке литературы ты показалась мне слишком тихой.

– Внутри меня бушует пламя.

Сестра Аннунциата покачала головой в монашьем клобуке:

– И, кажется, причина пожара мне известна. А тебе, дитя, известно, что гордыня – смертный грех?

Повинно опустив голову, я молчала. Директрису я уважала безмерно, единственную среди учителей. Сестра Аннунциата приходилась дальней родственницей покойному дожу Дендуло, и именно он приставил ее руководить «Нобиле-колледже-рагацце». Сан благородная донна приняла в юном возрасте, и грех стяжательства был ей чужд, а еще она была поэтессой, довольно известной даже за пределами Аквадораты.

– Саламандер-Арденте, – после паузы прошелестела монашка, – горячие и необузданные... Покайся, дитя.

Опустившись на колени у кресла, я покаялась: сначала в гордыне, после в зависти и дурных словах, напоследок признавшись в мелькнувшей мысли закончить соперничество с Паолой физическим устранением последней.

– Не больше чем на минуту, матушка, но мысль такая меня посетила. Помните, в прошлом году синьорина Фози сломала ногу, упав с лестницы, и покинула школу?

– Вместе с той девицей, которая ее толкнула.

– Потому что надо было не толкать, а налить чуть оливкового масла на третью ступень сверху...

Я запнулась, потому что над моей склоненной макушкой раздалось явственное хихиканье:

– Филомена, у тебя преступный ум!

Вот и кайся после такого! Во-первых, действительно не больше минуты я эту операцию планировала, а во-вторых, призналась же!

– К счастью для «Нобиле-колледже-рагацце» и человечества в целом, твой преступный ум не подкреплён злодейскими наклонностями.

Это да, воплоти я хотя бы один из время от времени всплывающих в моем сознании планов, школа уже лежала бы в руинах. Злодейские мои прозрения иногда шли на пользу. После одного из покаяний сестра Аннунциата выбила из Совета сумму, достаточную на ремонт восточной башенки, обрушение которой было возможно легким толчком прогнувшейся несущей балки, после другого – установила засовы на двери черного хода и велела очистить декоративный прудик во внутреннем дворе, в котором при желании можно было бы топить неугодных пачками.

– Я не знаю, что делать, матушка. Правда не знаю. Годы работы пошли насмарку. Моя слабость повлечет нападки на подруг.

– Ты размышляешь, как правитель.

– Маленький.

– Два месяца, Филомена. Сомневаюсь, что за столь короткий срок синьорины да Риальто и Маламоко так уж пострадают.

– Но это произойдет из-за меня!

Светло-карие глаза директрисы были полны родительской доброты:

– Продолжай. Представь, что сейчас проходит занятие по риторике и твое задание – убедить оппонента.

– Сложившаяся ситуация несет угрозу стабильности, – после паузы твердо проговорила я. – Смена актеров за два месяца до финала посеет хаос и усилит соперничество многих. На волнах неразберихи к вершине вполне может вознестись особа, несколько вершины не достойная.

– Поэтому?

– Я вступлю в борьбу даже без уверенности в победе.

– Для чего?

– Дуэль двоих отвлечет и увлечет прочих, мои «фрейлины» будут выведены из-под удара.

Я на мгновение смешалась, потому что слово «фрейлины» вслух прозвучало впервые, и сестра Аннунциата вполне могла опять упрекнуть меня в гордыне. Но упреков не последовало.

– Похоже на политическую интригу.

– Вся жизнь – политика, а политика – интриги.

Директриса после паузы кивнула:

– Тогда, Филомена Саламандер-Арденте, я подарю тебе не оружие, но надежду. – Она взяла со стола раскрытую книгу и развернула ее, уложив на свои колени. – Читай.

Это был сборник стихов, и глаза мои быстро заскользили по коротким строчкам.

– Узнала?

– Это та самая импровизация, которой синьора Раффаэле сразила синьору Годинели в поединке? Матушка, но вы присудили Паоле победу!

– Хотелось посмотреть, как далеко простирается подлость человеческая.

– Ах.

– Слово в слово! Эта... – тут прозвучало нечто, что из уст монашки услышать не предполагаешь, – выдала за свою импровизацию мои стихи!

Осторожно перевернув обложку, я прочла имя автора:

– Аннуцио да Габриэле?

– Псевдоним.

Карие глаза метали молнии. Мне подумалось, что, если сестра Аннунциата лишена всех человеческих пороков, поэтессе не чуждо тщеславие. А еще, что Паола сильна лишь знаниями, а не мастерством.

Библиотеку я покинула окрыленной, и крылья мои были крыльями ангела мщения.

Их слегка помяли, когда меня попытались столкнуть с лестницы по дороге в класс. Но тихоня Годинели действовала столь неловко, что упала сама и скатилась бы по ступеням, не ухвати я ее за локоть.

– Будешь должна, злодейка, – шепнула я, одарив дрожащую девицу хищной улыбкой.

– Отдежурю за тебя на кухне.

– И будешь это делать вплоть до выпуска.

Синьорина Годинели погрузилась в задумчивость, так что пришлось сжать ее локоть изо всех сил.

– Да, Филомена!

– То-то же!

В классную комнату я вошла быстрым уверенным шагом и заняла место позади Мауры. Астрономию и астрологию нам преподавала синьора Ванессо, вдова морского капитана, манеры свои, видимо унаследовавшая от супруга. Ее громкий командирский голос вводил в трепет слабых духом.

– Сесть на весла! – начала урок капитанша. – Звезды моря посреди земли.

Выделиться на ее занятиях было делом нелегким. Обычно они состояли из быстрого опроса, краткой лекции и заключительного опроса, уже по теме лекции.

– Главное навигационное созвездие. – Синьора Ванессо ткнула пальцем в Мауру. – Ты.

– Миндаль, – подсказала я шепотом.

Синьорина да Риаальто быстро ответила, заслужив одобрителный кивок.

– Другое название? – Кончик пальца указал на меня.

– Южный крест.

Опрос продолжался, и когда дошел до Паолы, та совершила ошибку, начала отвечать пространно и многословно.

– Суши весла, – фыркнула учительница, – мы здесь не рукоделием занимаемся.

Вспыхнув, синьорина Раффаэле возразила, что в «Нобиле-колледже-рагацце» готовят не моряков, а жен для аристократов, выйдя из образа скромницы и немало разозлив капитаншу. Та сообщила, чем именно, по ее мнению, занимаются жены, и изгнала Паолу из классной комнаты.

Занятно, но ненавидящим взглядом изгнанница одарила именно меня, обернувшись от двери. Меня! Которая сидела ниже травы тише воды и только сочувственно вздыхала. Ну, может, подмигнула и показала язык, но разве способна невинная гримаска вызвать столь откровенную злобу?

На уроке хозяйственной арифметики новенькая попыталась блеснуть, продемонстрировав способность справляться в уме с большими числами. Но так как задание заключалось в сведении баланса прибыли и расходов, рисовка была лишней. Я царапала цифры на бумаге, зато не забыла вычесть из суммы нововведенный налог за уборку мусора, чем заслужила похвалу пожилой донны Дундели.

– Вы станете хорошей супругой любому аквадоратскому купцу, синьорина Филомена, – сказала она, – приумножающей семейные богатства.

Карла со своего места изобразила бесшумные аплодисменты в мою сторону.

К последнему уроку в школу вернулся маэстро Калявани. Разбившись на пары, мы кружились в танцевальной зале под присмотром синьоры Грацио, дамы выдающихся внешних качеств и бурного балетного прошлого. В партнерши мне досталась крошечная Лили По, в первые же минуты сбившаяся с шага.

– Лили, – шепнула я, – деточка, не пытайся изображать мужчину. Позволь вести мне.

И, когда синьорина По вняла совету, дело пошло на лад настолько, что последним танцем меня удостоила сама Грацио.

– Три-три, – обмахиваясь веером после урока, сообщила Карла. – Мы вышли на ничью.

Я-то знала, что сегодня мы выиграли, потому что победа синьорины Раффаэле в риторике очков ей не принесла.

– Отчего же матушка во всеуслышанье не разоблачила подлог? – поинтересовалась Маура.

– Сестра Аннунциата – мудрая женщина, даже мудрейшая, и не идет на поводу сиюминутных желаний.

– Опять политика... – Синьорина да Риальто зевнула, прикрыв розовый рот ладошкой. – Можешь не продолжать, Филомена.

После ужина все девицы по обыкновению собрались в общей гостиной, места и местечки которой были распределены в соответствии со строгой школьной иерархией. Центральный оконный альков с широким подоконником и россыпью подушек на нем принадлежал Аквадоратской львице, то есть мне, ну и, разумеется, моим «фрейлинам». Прозвище я сочинила себе сама, потому что, если столь важное дело пустить на самотек, можно оказаться Рыжей бестией или Драчуньей. А после, хоть убейся, кличка прилипнет намертво. Предвосхищать события – качество, которое я ценила в себе превыше прочих.

Устроившись на подоконнике с ногами, я разложила на коленях рукоделие. Многие ученицы последовали моему примеру, то есть раскрыли шкатулки и корзинки с золотистой канителью, сотнями локтей лент и шелков, пайетками, блестками, мишурой. Подразумевалось, что эти богатства со временем превратятся в драгоценные подарки предметам страсти. По крайней мере три из двадцати синьорин успели обручиться и теперь вышивали женихам перчатки, ну или на что там можно употребить кособокие, бесконечно длинные лоскуты. Творение малышки Лили По завивалось кольцами на ковре у ее туфель, что позволяло представить обхват туловища ее будущего супруга. Представить и ужаснуться.

– На воле немного шумно, – сообщила Карла, занявшая скамеечку у окна. – И огни над Гранде-канале сияют непривычно ярко.

Синьорина Маламоко обшивала гагатовыми бусинами бархатный кошель и, судя по скорости, с которой продвигалась работа, собиралась закончить ее на смертном одре.

– Какой-нибудь праздник? – Маура, которой после выпуска предстояло выбирать себе супруга из нескольких десятков отпрысков богатейших фамилий Аквадораты, не мудрствуя лукаво, заготавливала для каждого претендента лоскутную розу с жемчужными капельками на лепестках.

– Добрым горожанам сегодня дозволяется надеть маски, – сказала я уверенно, потому что пассажиры гондолы, проплывающей сейчас мимо окна гостиной, пялились на меня сквозь прорези лаковых личин.

– Как зовут тебя, красавица? – прокричал один, одетый арлекином.

– Не твоего поля ягода, любезный клоун, – рассмеялась я и прыгнула с подоконника, зная, что сейчас последует.

Ученицы ринулись к окнам, стремясь занять выгодную позицию для обзора и флирта. Посыпались шуточки, потом зазвучала струнная мелодия и приятный баритон принялся воспевать женские прелести и удовольствия, которые они могли бы доставить.

Над столиком у камина ярко горела лампа, туда я и отправилась. Мужчины, все, кроме Эдуардо, меня не интересовали. Прочие девушки сейчас столпились у окон, и я без помех продолжила свою тонкую работу.

– Рыжая! Пусть покажется рыжая! – кричал мужчина. – Я отдам ей свое сердце!

Голос его отдалялся, но, кажется, на нашей улице появлялась целая вереница гондол, звучали другие песни. Шуточки, впрочем, оставались прежними.

Филигранная резьба по дереву требует специальных инструментов. У меня были тонкие резцы и крошечные фрезы, шлифовальная бумага и, самое главное, заготовка шкатулки из драгоценного ароматного сандала. Мужская красота не требует украшений. Я решила подарить Эдуардо да Риальто самое дорогое, чем владела, – найденное в каррарских мраморных каменоломнях яйцо волшебной саламандры. Такой вещицы не было ни у кого. Янтарно-желтая сфера с небольшой сливу размером с заключенным в ней алым тельцем древней ящерицы. Папенька, когда я показала ему находку, долго рылся в справочниках, а затем сообщил:

– Эти существа до наших дней не сохранились, милая. Иногда их останки находят среди окаменелостей, но очень, очень редко.

Мне было пять лет, но ощущение абсолютного счастья обладания яйцом волшебной огненной саламандры никуда не делось. Я поделюсь этим счастьем с Эдуардо.

Подарок требовал достойного обрамления, например резной сандаловой шкатулки. Орнамент изображал сплетенные язычки пламени с хороводом пляшущих саламандр и был почти закончен. Яйцо лежало внутри на атласной подушечке.

Погрузившись в работу, я не замечала ничего, что происходило вокруг. Последняя ящерица заняла место в хороводе, я сдула стружку, полюбовалась.

– Филомена, – Маура прикоснулась к моему плечу, привлекая внимание. – Какая тонкая резьба! Ты закончила?

– Осталась полировка.

– Великолепно! – Лицо подружки сменило выражение, и она прошептала, склонившись ко мне: – Кажется, я видела гондолу Эдуардо.

Сердце пустилось в галоп. Я ринулась к окну, расталкивая товарок:

– Где?

Канал запрудил целая флотилия гондол, ярко освещенных, нарядных и не очень. В них сидела публика в маскарадных костюмах, горлающая песни, орущая, запускающая в воздух россыпи конфетти, шутихи и серпантин.

– Теперь не вижу, – вздохнула Маура, которую я притащила с собой. – Гондола исчезла.

– Бешеная корова! – визжала Бьянка, баюкая ушибленное плечо.

На синьорину Сальваторе я не обращала внимания. Мысли неслись в такт стуку сердца.

Эдуардо явился, чтоб встретиться со мной? Повидаться? Тогда почему он не остановил судно у окон школы? Потому что обмена страстными взглядами на расстоянии ему недостаточно! Я сама рассказала синьору да Риальто о проходном дворике соседнего палаццо, через который по суше можно пройти к черному ходу школы. Эдуардо ждет меня там. Он удостове-

рился в том, что его визит заметила сестра, и знает, что Маура немедленно об этом мне сообщит.

– Чезаре! – заорала вдруг Карла, свешиваясь из окна и размахивая руками. – Я здесь!

Разумеется, меня переполняла любовь, но любопытству местечко тоже нашлось. Увидеть хотя бы одного из загадочных кузенов синьорины Маламоко – это, знаете ли, событие нетривиальное.

Придержав «фрейлину» за узкие плечи, я проследила за ее взглядом и разочаровалась. Кузен не представлял собой ничего особенного. Он правил черной лаковой гондолой самостоятельно и был в лодке не один. Его темный камзол контрастировал с ярким платьем сопровождающей его дамы. Хотя, судя по бесстыдно обнаженной груди, это была вовсе не дама, а куртизанка. Бедняжка Карла!

– Чезаре!

Кузен услышал, исполнил шутовской поклон, сдернув с головы шляпу. Черные волосы, стянутые на затылке, атласная полумаска, сквозь прорези которой блеснули невероятно светлые, какие-то серебристые, глаза. Синьор Тень, не иначе.

– Синьорина Маламоко! – его зычный глас перекрыл царящую снаружи какофонию. – Твоя краса на звезды так похожа...

– Какое непотребство! – Директриса решительным шагом пересекла комнату и одно за другим захлопнула все окна. – Стыдитесь, девицы! Каждый раз, когда...

Нотаций сестры Аннунциаты я не слушала. За мгновение до того, как она захлопнула створки, жаркий взгляд Чезаре встретился с моим и произвел с синьориной Саламандер-Арденте нечто отвратительное. Он ее донага раздел, взвесил, измерил и... ею пользовался. Как какой-то куртизанкой. Как будто спросил «Да?», я ответила «Да!», и все завершилось.

Опомнись, Филомена. Это всего лишь взгляд и...

Убью мерзавца! Заколю кинжалом при первой же встрече. Никто не смеет на меня так смотреть!

Директриса бушевала недолго, скорее для порядка. Праздники в Аквадorate явление частое, недаром иностранцы называют его «город-карнавал», и иногда пути маскарадных флорилий проходят под окнами «Нобиле-колледже-рагацце». И каждый раз сестра Аннунциата выжидает около получаса, прежде чем ворваться в ученическую гостиную и прервать «непотребства». Если бы меня спросили, зачем, я бы ответила без раздумий: чтоб девицы безопасно «сбросили пар», ощущая себя при этом бесшабашными нарушительницами. За три года из школы не свершилось ни единого побега, которые, разумеется, были бы, заведи директриса строгие монашеские порядки в своем заведении.

Ах, как же я ею восхищалась!

Пристыдив и покарав – на целую неделю нас лишили сладкого, – сестра Аннунциата покинула гостиную.

– Голубка, – наступившую тяжелую тишину разрядил возглас Бьянки. – Где Паола? Я хотела ее просить развлечь нас игрой на виоле.

Синьорины Раффаэле в комнате не оказалось, и, когда она успела исчезнуть, никто не заметил.

– Новенькая получила прозвище, – пробормотала Карла с оттенком недовольства.

– Фу ты ну ты! – фыркнула Маура. – Голубка?

Но мне было не до злословия. Едва дождавшись, пока общество придет к согласию в теме, кто из несчастных будет его, общество, развлекать, и неудачница Годинели извлечет из старенького клавесина первый аккорд, я, не забыв прихватить драгоценную шкатулку, выскользнула за дверь.

Меня ждала встреча с Эдуардо.

Глава 2

Фарфоровый поцелуй

Дверной молоток на двери отсутствовал. Пузан в черной сутане и маске чумного доктора заколотил в створку ногой.

– По голове себе постучи, – раздраженно начал привратник, выглядывая из смотрового окошка, но резко сменил тон, закончив напевно и торжественно: – жалкий смертный!

Толстяк замер на одной ноге.

– Сеют ли в ваших... – он покачнулся, маска съехала в сторону, – к примеру, елиледж?

– Чего?

– Ну, синий анис, зеленый барбарис, – зачастил гость, – и прочую петрушку в сердцах верных? Сеют? А, брат-привратник?

В тишине, воцарившейся после вопроса, было слышно, как летучая мышь сорвалась со ската крыши. Палаццо, в котором собирались заговорщики, имело вид крайне заброшенный. Двор зарос сорняками, колонны покосились, фасад испещряли трещины.

– Мир сошел с ума, – вслух решил привратник.

Дверь широко распахнулась:

– Входи, жалкий смертный.

– Я забыл, – оправдывался толстяк, переступая порог. – Столько обществ, столько паролей, а я... всего лишь...

– Смертный? – Привратник осклабился, блеснув в фонарном свете зубами. – Вступать нужно во все?

– А как иначе? Кто не успел, тот опоздал, знаешь ли. Хочешь жить, умей вертеться... И прочее в таком роде.

Они прошли длинным коридором, поднялись по лестнице в полукруглый зал с большим столом по центру. За столом сидели закутанные в сутаны фигуры, повернувшиеся к вошедшим клювами чумных докторов.

Сердце пузана ушло в пятки, когда за его спиной закрылась дверь залы. Тот, которого он принял за привратника, обошел стол, ступая бесшумно, как кошка, и сел в резное кресло, повернутое спинкой к камину.

– Что это за клоун, экселленсе? – гулкий голос, раздавшийся из-под какой-то маски, навевал мысли о могильном холоде.

– Человечек. – «Абсолютно точно не привратник» пожал плечами и щелчком расправил белоснежную манжету, выбившуюся из рукава камзола. – Почему бы и нет?

Бледные его губы растянулись в улыбке, поморщились, сложились дудочкой, будто примеряя непривычные гримасы:

– Предлагаю игру. Кто первым угадает профессию этого... гм... синьора, получит...

Кто-то азартно перебил экселленсе:

– Чую аптекарский запах. Касторка и живецвет. Он лекарь?

– Скорее больной, – проговорил другой с не меньшим азартом, – его пользовали от запоров.

– Господа, – протянул третий, – нельзя ли менее физиологично?

– А что плохого в физиологии?

– Это неприлично.

– Что нам человеческие приличия?

Экселленсе втянул воздух, отчего ноздри его длинного носа затрепетали подобно парусам корабля:

– Клейстер и дерево. Столяр? Нет, что-то еще. Краски, грим, свечной жир. Кукольник?! Толстяк, до которого наконец дошло, куда именно он попал, рухнул на колени, сорвал маску, обнажая ничем не примечательное пухлощекое лицо:

– Так точно, экселленсе, директор кукольного театра маэстро Дуриарти к вашим услугам.

Общество разочарованно забормотало: «Опять он выиграл».

– Теперь можно поесть? – раздраженно спросила женщина.

– Питаться пожилым господином апоплексичного вида, страдающим к тому же запорами? – Экселленсе поморщился. – Нет, великолепная Лукреция, предлагаю другую игру. Сейчас дражайший маэстро просветит нас, какие заговоры плетутся его сородичами в благословенной Аквадorate.

Дуриарти на четвереньках пополз к трону.

– Идиотская игра, – слышался шелест.

– И скучная.

– Сколько можно забавляться заговорами? Тысячу раз уже...

– Нелепо...

– Неуместно...

Верховный вампир зашипел, заставляя недовольных умолкнуть.

– Начинай, кукольник.

И тот забормотал, перечисляя все тайные общества, в которые успел вступить, раскрывая цели и задачи, примерно одинаковые у всех, ибо состояли они в свержении теперешней власти и извлечении выгод, которые всенепременно за свержением последуют.

– Пожрет чудовище из моря? – через некоторое время переспросил экселленсе.

– Именно так, хозяин. – Лебезить маэстро Дуриарти умел лучше всего на свете. – Видимо, во время ежегодного обряда обручения с морем на дождя нападет кракен.

– У вас есть кракен? – ахнула женщина.

– Наверное, – растерялся толстяк.

– Ничего у них нет. Последнего кракена убил лет двести назад какой-то болван в рогатом шлеме.

– Который? Зигфрид?

– На нем написано не было!

– На кракене?

– Нет, на шлеме.

Перепалка разгорелась нешуточная, но кто именно участвовал в ней, понять не удалось бы никому. Из-под клювастых масок раздавались одинаково надтреснутые мужские голоса.

– Точно Зигфрид, вождь этих беловолосых дикарей, которые убивают друг друга на берегах северных морей.

– Буду я еще имя каждого варвара запоминать!

Экселленсе зашипел, призывая к порядку, и возвестил:

– Дождь Муэрте получит свое чудовище от нас.

– Кракена? – пискнул кукольник, разум которого от невозможности объять все происходящее слегка помутился.

– Прекрасную деву, – ответил верховный вампир напевно. – Ее подарит дождю море во время обручения.

– Я, кажется, понимаю, – залиvisto хихикнула женщина. – Его безмятежности придется вступить в брак с этим чудом.

– А ночью она его сожрет, – закончил экселленсе.

Кто-то предложил:

– Сразу после этого неплохо было бы напустить на город мор: холеру или чуму. Чтоб людишки окончательно осознали свое проклятие.

– Лишнее, – сказал верховный. – Если только мы не собираемся строить здесь вампирскую утопию с горсткой выживших.

Все хором решили, что строить и организовывать – скука смертная и что устранения дожа для того, чтоб продемонстрировать забывчивому человечеству мощь аквадоратского клана вампиров, вполне достаточно.

Маэстро радостно покивал:

– Что прикажете делать мне, хозяин? Все забыть?

– Не время забывать. – Глаза экселленсе вспыхнули нестерпимым алым светом.

* * *

Директор кукольного театра синьор Дуриарти проснулся наутро в грязной подворотне, голова гудела, хотелось пить.

– Надо же было так набраться! – сказал себе синьор и отправился домой, почесывая шею, на которой непонятно откуда появились две аккуратные круглые ранки.

Из его жизни пропало целых четыре дня, подушечки пальцев были стерты и испещрены порезами, будто в своем многодневном пьяном угаре почтенный кукольник работал не покладая рук.

* * *

Искусством бесшумных вылазок я владела неплохо. Конечно, до совершенства синьорины Маламоко мне еще расти и расти, но шаги мои были легки, а движения осторожны.

– Куда ломишься? – спросила Карла, когда я, до хруста вытянув шею, вглядывалась в темный коридор первого этажа.

– Дохлый кракен! – Я прижала руку к груди, чтоб сердце не выскочило от испуга. – Как тебе удастся быть столь бесшумной? Ты вообще человек?

– Куда, Филомена?

– Меня ждет Эдуардо.

– Где?

– Предполагаю, что у черного хода.

– И на чем основаны твои предположения? – Карла опустила голову к плечу, прожигая меня любопытным взглядом.

Таккола – «галка», так ее иногда называли, за черную масть и такие вот птичьи движения.

– Маура видела на воде гондолу да Риальто.

– И?

– И во время последнего нашего свидания я намекнула Эдуардо...

– Намекнула? – перебила подруга. – Этот синьор не распознает намека, даже если тот наступит ему на голову.

– С этим я, пожалуй, соглашусь, – сообщила синьорина да Риальто, появляясь за нашими спинами. – То есть чтоб быть понятым, твой намек должен был звучать примерно так: Эдуардо, показавшись перед окнами «Нобиле-колледже-рагацце», продолжи движение по направлению к Гранде-канале, отсчитай четвертую пристань и...

«Тайным» ходом за три прошедших года пользовалась хотя бы один раз каждая из нас, и дорогу Маура описала без труда.

Девушка вздохнула:

– Ну и неплохо было бы заставить братца этот намек повторить.

Галка-Маламоко гнусно захихикала.

Такого оскорбления предмету моей любви я снести не могла:

– Стыдитесь, рагацце. Эдуардо – благородный синьор!

– Тихо! – Карла обняла нас за плечи обеими руками и замерла, прислушиваясь. – Не знаю, благородный ли синьор да Риальто бродит снаружи... Кстати, если это все-таки он, Филомена, я принесу тебе извинения.

– Посмотрим? – Кончик чуть вздернутого носика Мауры дрожал от возбуждения.

– Может, это кто-то из учениц, – недовольно прошептала я.

– В гостиной все, кроме нас и Паолы.

– Сестра Аннунциата уединилась в молельне.

– Слуги?

– Отпущены на праздник.

– Пошли, – решила я. – Только поклянитесь, что, если там действительно Эдуардо, вы не будете за нами подглядывать. Или хотя бы постараетесь, чтоб ваши едкие комментарии не достигли его ушей.

Карла, наверное, ущипнула Мауру, потому что та хихикнула.

Мы шли в абсолютной темноте коридора к двери, укрепленной всяческими запорами и засовами после одного из моих «злодейских» озарений, а точнее, после исповеди сестре Аннунциате. Здесь существовала одна хитрость, в исповеди не затронутая. Порог массивной двери, по периметру укрепленный стальными полосами, был полым. Он, видимо, служил прежним владельцам потайным сундуком. Зная, куда и в какой последовательности нажимать, можно было открыть горизонтальную дверцу, лечь на живот, протиснуться под дверью и, потянув за рычажок, отодвинуть внешний наличник.

Я ползла первой, немедленно выяснив, что с последней вылазки тело мое несколько раздалось в верхней его части. Кряхтя и чертыхаясь, я нащупала рычаг и вывалилась наружу.

Дворик, нависающий на сваях над поверхностью воды, в прошлом использовался под свалку ненужного в хозяйстве хлама. Теперь же, под завязку забитый старой мебелью, разошедшимися сундуками, битыми горшками, тюками ветхого тряпья, не посещался вовсе. Никем, кроме учениц, желающих незаметно покинуть «Нобиле-колледже-рагацце».

– Филомена! – донесся жалобный писк Мауры. – Я, кажется, застряла.

Из щели показалась пухлая, усеянная перстнями ручка подруги.

– Панеттоне! – глухо ругалась Карла. – Сдобная булочка да Риальто! Филомена, тащи ее наружу, а я подтолкну.

Ухватив запястье, я потянула. Маура охнула. Из щели показалось ее плечо, затем голова, и, наконец, она целиком выкатилась мне под ноги. Через мгновение к нам присоединилась синьорина Маламоко, скользнув под дверью, будто нитка сквозь игольное ушко.

Мы осмотрелись и прислушались. Шум канала сюда почти не доносился, навесная галерея, уводящая к соседнему дому, была пустынна. Карла заглянула вниз, на лесенку, спускающуюся под настил.

– Разделимся? – предложила я. – Ты с Маурой – вверх, а...

– Все страшные истории мира начинаются с того, что компания решает разделиться, – возразила подруга, – и древние чудища, или вампиры, или просто кровожадный безумец с ножами вместо пальцев расправляются с молодыми людьми по одному.

– Если бы наш таинственный некто шел под настилом, – сказала Карла, – звук его шагов скрыл бы плеск воды. Он воспользовался галереей.

– Не опасаясь быть увиденным, – кивнула Маура. – Это значит, он знал, что ни одно из окон не выходит на эту сторону.

– Умница моя, – похвалила синьорина Маламоко.

Я ощутила крошечный укол ревности. Мы с «фрейлинами» были лучшими подругами, но эти две синьорины являлись друг для друга лучшими из лучших, составив почти родственную пару.

– В одном с тобой не соглашусь, – продолжила Карла. – Не «он», а «она», иначе трудно объяснить свежие розовые лепестки.

Мы посмотрели на ступени. При жизни, до того как их ощипали, розы были белыми.

– Она нервничала?

– Паола? Ведь вы узнали цветы из нашего школьного розария? И никто, кроме синьорины Раффаэле...

– Может, перенесем демонстрацию вашего, рагацце, ума на другой день? – недовольно протянула я и стала подниматься на галерею.

Представить Эдуардо, обрывающего лепестки с бутона, не получалось, надежда на свидание таяла, я злилась.

– Интересно, как ей удалось выбраться? – бормотала за спиной Таккола. – Подпорожем никто до нас не пользовался. Неужели существует какой-то способ, о котором я не знаю?

– Крыша, – отвечала ей Панеттоне. – Помнишь заросли плюща под чердачным окошком? Он вьется поверх деревянного трельяжа.

– Тогда новенькая обладает ловкостью гимнастки.

Пухлая Маура грустно вздохнула.

Стена закончилась. Мы спрыгнули в щель между домами и прокрались к кованой решетке заброшенного палаццо Мадичи. Место было зловещим до такой степени, что даже при свете дня липкий ужас охватывал любого сюда забредшего.

Говорили, что палаццо некогда принадлежало Лукрецио Мадичи, чудовищному князю, и до сих пор в нем можно слышать стенания убитых в его пыточных людей.

К счастью, само здание нас не интересовало. Миновав сорванную с петель калитку, мы пересекли отрезок запущенного парка и присели за расколотой чашей мраморного фонтана. Площадка его тремя плавными ступенями спускалась к причалу.

– Вот она, Голубка, – шепнула Карла.

– Голубки, – отозвалась Маура.

Ужас, охвативший меня на мгновение, объяснялся просто: сослепу я приняла собеседника Паолы за Эдуардо. Этого мгновения мне, впрочем, хватило, чтоб догадаться, что прошлым летом, во время семейного путешествия, синьор да Риальто покорила сердце блистательной дочери губернатора, представить их свидания и поцелуи, возненавидеть обоих до глубины души и почти умереть от несчастной любви.

– Чезаре?

Восторженный шепот синьорины Маламоко вернул меня с того света, где я уже настраивала арфу, чтоб присоединиться к ансамблю невинных дев, погибших до того, как они познали радости плотской страсти.

Беспутный кузен? Ну конечно. Как я могла их перепутать? Эдуардо гораздо шире в плечах, чем долговязый Чезаре, и ниже ростом. И вряд ли позволил бы себе столь вопиюще непристойно прижимать девицу к гранитному парапету. То есть любую девицу, в том числе меня. И, что можно принять за аксиому, производя эти манипуляции, Эдуардо озабочен был снять хотя бы маску!

Край лаковой личины в этот момент впивался в правую глазницу синьорины Раффаэле, заставляя ее болезненно щуриться. Выглядело это забавно. То есть девица как бы полностью отдавалась поцелую, издавая томные вздохи, ее тело обмякло, как воск от жара, руки жадно елозили по мужской спине, опускаясь и задерживаясь на поджарых ягодицах, но она при этом изо всех сил щурилась, чтоб не потерять глаз!

Я посмотрела на подруг. Ротик Мауры был приоткрыт, грудь вздымалась, Карла саркастично ухмылялась.

– Товар явно испорчен, – проговорила она, напоминая мне утренний разговор. – Чезаре своего не упустит. Так вот кто, значит, тот окольцованный капитан. Бедная Голубка.

– Отчего же бедная? И почему мне слышится в твоих словах ирония?

– У до... то есть у кузена, целая коллекция из колец влюбленных дурочек собрана. Нет, он, конечно, парень честный, всегда одаривает в ответ своим перстнем. Золотым таким, печатным, с площадкой по фронтону и гравировкой в виде мертвой головы. Их у него мешок, на вес у какого-то ювелира в колониях купил.

Поцелуй наконец закончился, видимо, синьору Маламоко наскучил массаж ягодич.

– Любовь моя! – жалобно воскликнула Паола, смахивая с правой щеки слезы.

Левый глаз был сух и полон обожания.

– Как жаль, что вновь пришло время расставания, – напевно изрек кузен, поправляя перевязь, – но твой поцелуй, и твои... – тут он запнулся, будто у него не было полной уверенности, как именно зовут возлюбленную, – моя помокомская роза, очи...

Я мысленно заплотировала. Не вспомнив имени, повеса изобрел «милое» прозвище. Какое счастье, что Эдуардо не повеса. Какое счастье, что влюбилась я в человека достойного, а не в кого-то вроде кузена Маламоко.

Комплимента Чезаре не закончил: синьорина Раффаэле набросилась на него, почти сбив с ног, и принялась осыпать подбородок мужчины поцелуями. Этот мерзавец, будучи и без того гораздо выше ростом, еще и запрокинул голову, не давая девушке ни единого шанса прикинуть к своим губам.

Маора вздохнула, Карла хихикнула, я разозлилась.

– Тебе пора, любимая, – пробормотал мужчина, отодвигая трепещущее тельце Паолы на вытянутых руках. – Если твое отсутствие заметят...

– Ты разлюбил меня, – уже по обеим щекам девушки струились слезы. – Я видела в твоей гондоле какую-то путтана!

– Куртизанку, – шепнула мне Карла. – Их так иногда называют.

Слово было новым, и я его на всякий случай запомнила.

– Скажи, Чезаре, это моя соперница? Эта желтоволосая шлюха?

Еще одно новое слово. Я буквально поминутно обогащалась знаниями.

– Что ты, глупышка, – почти пропел кузен и чмокнул Паолу в губы, придерживая ее саму, впрочем, на расстоянии. – Никто в моем сердце не займет твоего места, драгоценнейшая...

Он точно не помнил имени!

– Я хочу занять место не только в сердце, – твердо сказала синьорина Раффаэле, – но и в твоём палаццо, твоей постели и твоей жизни.

Так вот как, оказывается, выглядит, когда женщина объясняется первой? Жалко и нелепо. Получается, что, когда я начну говорить о своей любви Эдуардо, он вполне может точно так же со скучающим видом отвернуться, бросая взгляды на темные окна палаццо Мадичи? Ну или что там послужит декорациями нашего объяснения. Нет, Эдуардо не такой. Он опустится на одно колено и дрожащим от восхищения голосом предложит мне стать синьорой да Риальто. И подарит кольцо. А я поднесу ему сандаловую шкатулку, которая сейчас лежит в моем поясном кармашке.

Между тем Паола продолжала:

– Тебе скоро тридцать, Чезаре, это наилучший возраст для вступления в брак. Батюшка теперь не будет возражать и благословит нас.

Серебряные глаза в прорези маски неотрывно были направлены в сторону здания. Мне показалось, повеса не слышит ничего из обращенных к нему слов, однако ответил он вполне сообразно:

– Союз с фамилией Раффаэле сделает честь любому аквадортскому синьору. Мы вернемся к этому разговору позже, любовь моя.

– Когда?

– Неделя? – Он явно выдумал срок на ходу. – После обряда обручения с морем...

– Обряд уже завтра!

– И затем мне предстоит несколько неотложных дел. Пошли весточку отцу, пусть он явится ко мне с предложением.

– То есть ты согласен?

Чезаре пожал плечами:

– Ты сама сказала, мне скоро тридцать, самое время задуматься о женитьбе.

Тут что-то не сходилось. Я не могла себе представить, каким влиянием может обладать капитан Маламоко, чтоб приглашать к себе губернатора острова Комо-Помо.

Размышления прервала Карла. Ухватив меня с Маурой за плечи, она втащила обеих в чашу фонтана. Мы едва успели лечь там ничком, когда мимо прошествовала парочка. Чезаре провожал подругу к началу галереи.

– Ждем. Он скоро вернется.

Кузен показался у ограды минут через десять, но вместо того, чтоб спуститься к причалу, пересек лужайку и, потоптавшись у темных стен палаццо, влез в одно из окон.

– Паола успела подняться к себе? – быстро спросила Карла. – Если да, мы можем попробовать...

– Или ждать, пока твой кузен закончит... то, что он делает в заброшенном доме.

– Холодно! – пискнула Маура. – И твердо. Давайте возвращаться.

– А чего мы боимся? – вдруг пришло мне в голову. – Ну увидит нас твой, Карла, родственник, и что? Может, наоборот, проследим за ним? Любопытно, чем он занят.

Та по-птичьи прижала голову к плечу:

– Нет, Филомена, наша сдобная булочка напугана, а вмешиваться в дела Чезаре мне бы не хотелось.

Пришлось согласиться и объявить окончание вылазки. Не можешь переубедить подданных, возглавь их в их стремлении. Сестра Аннунциата точно так же поступила бы на моем месте.

Мы вернулись к подпорожной щели в обратном порядке, первой шла Карла. Она проскользнула в дом. Маура с душераздирающими вздохами просунула в щель макушку и руки, я подталкивала девушку в... гм-м... мягкую часть, и вполне быстро сдобная Панеттоне пролезла внутрь.

Мне послышался всплеск, будто в воду упало что-то небольшое, например, обломок черепицы. Синьорина Раффаэле наблюдает за нашими манипуляциями с крыши? Я замерла. Если это Паола... И что? Нажалется на нас директрисе? В добрый путь. Только тогда ей придется объяснять, чем именно она сама снаружи занималась.

– Филомена! – поторопила меня Карла.

– Иду.

Склонившись над порогом, я провела рукой по поясу. Шкатулка не прощупывалась.

– Кр-ракен!

– Что еще?

– Мне придется вернуться, – сообщила я со вздохом.

– Зачем?

– Куда?

«Фрейлины» задали эти два вопроса одновременно.

– Кажется, моя драгоценность выпала из кармашка, когда я переваливалась через край чаши фонтана.

– Твоя малышка Чикко? – хихикнула вредная Карла.

Укол достиг цели, щеки мои запылали. Яйцо звали Чикко, что моих подруг немало забавляло. Мне было пять! В столь юном возрасте синьорины придумывают имена всем своим куклам!

– Тебя проводить?

– Лишнее, я справлюсь за четверть часа.

– Мы подождем здесь. – Неожиданно синьорина Маламоко быстро заговорила: – Нет, не получится. Маура попалась! Я слышу голоса из коридора. Филомена, я оставлю дверцу лаза открытой, чем-нибудь замаскирую...

До меня донесся звук передвигаемых предметов.

– Встретимся в спальне, Филомена.

Удаляющихся шагов я не слышала, Таккола умела исчезать бесшумно.

С возвращением мне придется повременить. В тревожный набат не ударили, значит, ситуация не приобрела серьезности. Директриса отправит моих подруг в спальню под замок, может, велит старичку-охраннику обойти все помещения. Как девицы объяснят мое отсутствие? Карла что-нибудь придумает, например, что синьорина Саламандер-Арденте страдает желудком, заперевшись в уединенном местечке. Мне же следует переждать не менее часа и лишь потом проскользнуть к дортуарам и отпереть дверь спальни снаружи. На этот случай у нас имелся запасной ключик в тайнике у притолоки.

Шкатулка обнаружилась именно там, где я предполагала, на жухлой траве под чашей фонтана. Откинув крышку, я полюбовалась мерцающим в свете полной луны драгоценным яйцом. Красная ящерка была похожа на язычок пламени.

«Чикко, девочка моя», – подумала я умильно. К счастью, лишь подумала, потому что в этот момент раздался стук весла в форколе и всплеск. Гондола кузена Чезаре отходила от причала.

Отругав себя за легкомыслие – то, что я не встретила с капитаном Маламоко нос к носу, было чистым везением, мы разминулись буквально на пару минут, – я подумала, что грязные делишки повесы закончились и что любопытно, в чем именно они состояли.

Посмотреть? Время-то у меня есть.

Опомнись, Филомена! Отправиться одной ночью во владения чудовищного князя?

И я отправилась. Пересекла лужайку, огибая остовы мертвых кустов, подошла к окну, которым воспользовался Чезаре, и, подтянувшись на руках, перемахнула через подоконник.

Чтоб Чикко опять не потерялась, я прикрепила поверх кармашка серебряную булавку.

Я очутилась в бальной зале, полная луна беспощадно высветила царившее здесь запустение. Мозаичный пол был грязен, у изящных резных колон громоздились кучи мусора. Цепочка следов Чезаре на пыльной мозаике была прекрасно видна, то есть две цепочки – туда и обратно. Следуя по ним, я отметила, что мои отпечатки выглядят гораздо аккуратнее. Каковы ножищи у синьора! Вот, к примеру, у Эдуардо стопа изящная и некрупная, его ноги прекрасно выглядят в бальных туфлях светлой кожи. А здесь что? Страшно даже представить, что ощутит партнерша по танцам, наступи на ее носочек эдакая лапища.

Остановившись у начала лестницы, я убедилась, что Чезаре по ней спускался. В подвал? Палаццо возвели на островном грунте, так что подвал там вполне мог быть. Внизу следы пропали. Здесь не было пыли, то есть она была у стен, но коридором часто пользовались, проложив по его центру дорожку чистоты. Ах, кроме этих неявных признаков, были еще и яркие факелы через каждые несколько шагов.

Значит, палаццо Мадичи обитаемо? Что, если владелец застигнет меня за проникновением? Надо срочно бежать!

И... я пошла дальше по коридору, осторожно нажимая на ручки всех попадающихся по дороге дверей. Одна из них поддалась, но открыла вовсе не дверь. Одновременно с поворотом ручки пол ушел у меня из-под ног, и я рухнула в разверзнутую бездну.

Удар был почти неощутим, мое бренное тело приняли объятия небесных облаков. Только воняло гадостно, не облачно, а вполне земной гнилью.

– Мне что-то послышалось? – трескучий мужской голос раздался в крошечной тьме.

«Надо сразу требовать арфу, – подумала я, – как дева, не успевшая познать радостей...»
И тихонько сплюнула попавшую в рот ворсистую гадость.

– Слишком много звуков, – проговорил другой мужчина. – Как утомительно. После окончания дела я погружусь в как минимум столетний сон.

– И запахи, – не унимался первый, – пахнет людьми.

– Кукольник довольно вонюч. И, заметь, здесь гниет триста фунтов подношений от дома Кавалли.

Дом Кавалли торгует шерстью, значит, я упала в шерсть, вонзившись, будто нож в масло, меж слежалых тюков.

Я запрокинула голову в тщетной попытке рассмотреть отверстие, через которое сюда попала, потом, извиваясь, пошевелила руками, проверяя Чикко. Она была на месте. Трескучие голоса отдалялись, и я позволила себе, упираясь каблуками и локтями, выбраться на верх завала.

Подвал в подвале? Какая глупость. Хранить триста фунтов драгоценной шерсти в этой сырости? Какое расточительство!

Потолок высился надо мною на недостижимой высоте, поэтому, прыгнув с тюков, я пошла в единственном возможном направлении, к полуоткрытой двери, из которой в полутьму хранилища изливался яркий желтый свет.

Это была кузня. Наверное. По крайней мере, там пылал очаг, в огне резвилась целая дюжина саламандр. Я присвистнула, представив, какую температуру они там поддерживают. У верстака суетились странные фигуры с длинными конечностями, похожие и одновременно вовсе не похожие на людей. Таких крупных марионеток раньше мне видеть не приходилось, но это были именно они. Со взрослого мужчину ростом, сделаны они были из дерева, и довольно небрежно. Куклы что-то пилили и строгают. У дальней стены стоял безголовый манекен, изображающий женскую фигуру в непристойно коротком голубом платье с кружевными оборками. Юбочка заканчивалась чуть ниже местечка, где женские ножки соединяются, из-под нее виднелись кружевные панталончики, которые даже не достигали фарфорово-белых коленок.

– Когда ты закончишь, Кукольник?

Говорил некто в черном плаще и маске чумного доктора. Второй, точно такой же, стоял рядом с ним.

Кукольник, толстоватый синьор вида самого безумного (а как еще воспринять господина, который держит под мышкой женскую голову?), тоненько хихикнул:

– Время наше придет, братья! – Он поднял перед собой свою страшную ношу. – И сестры! Чумные доктора отошли к двери, я отпрянула.

– Человечек-то совсем протек...

– ...что скажет...

– ...уже не нужен... нанял людей, они доставят...

– ...убивать нельзя, лишит память и...

Какой интересный разговор! И как жаль, что долетает он до меня урывками.

– ...кукол сжечь, никаких следов...

– Маэстро Дуриарти, – громко проговорил «доктор», – внимайте приказу вашего господина!

– Внемлю! – Кукольник орал. – Слушаю и повинуюсь!

Приказа я не расслышала, потому что вдруг осознала близость собственного провала. Сейчас клювастые посетители выйдут, а тут синьорина Саламандер-Арденто.

Я побежала к тюкам и ввинтилась в них, как штопор в винную пробку.

Проследить за «докторами», найти выход и бежать.

Ногтями я разодрала упаковочную ткань и занавесила шерстью наблюдательное отверстие. Черные фигуры проследовали через хранилище к дальней стене, там произвели некую

манипуляцию с торчащим из кладки штырем и один за другим скрылись за отъехавшей в сторону плитой.

Пережидая, пока «чумные доктора» удалятся на безопасное расстояние, я вернулась к двери кузни. Куклы строгаля, маэстро Дуриарти нахлобучивал голову на манекен. Волосы манекена были того же оттенка, что и платье.

Безумец отошел, любуясь своей работой, потом быстро шагнул, наклонился и прижался ртом к фарфоровым губам манекена. Это не был поцелуй, ну, по крайней мере, с моего места он так не выглядел. Похожее действие я наблюдала, когда Франциско наглотался морской воды, а Филиппо вдвухвал в него воздух.

Кукольник отстранился, и женщина ожила. Ручка поднялась, поправляя голубой локон.

– Получилось! У меня получилось! – Маэстро исполнил что-то вроде танца и велел, обернувшись к деревянным куклам: – Упакуйте ее в ящик.

Манекен с глухим стуком упал.

– Стронцо! Нет, болваны! Она не ожила. Ее нельзя паковать! Отойдите, дуболомы!

Маэстро принялся хлестать фарфоровые щеки, дуть в кукольный рот, даже энергично помассировал грудь, видимо, в попытке запустить сердце. Наконец он сдался. Сел на пол и проговорил с оттенком радостного удивления:

– Я покойник! Если через час у меня не будет волшебного дара моря, я умру.

Испытав невольную жалость к чужому фиаско, я отвернулась от двери. Оставаться здесь дольше становилось опасно.

– Дуболомы! – кричали за моей спиной. – Отыщите мне деву! Любая сойдет. Быстро, быстро...

Я понеслась к стене, будто ошпаренная. Повисла на штыре, так и эдак его поворачивая. Деревянные ноги кукол застучали по полу, как козлиные копытца. Меня схватили за платье, потащили.

– Не смейте! – орала я. – Вы еще не знаете, с кем связались! Я...

У кукол не было даже ртов, а глаза горели нехорошим светом. Забавно, носами для своих созданий маэстро озаботился, но как бы не до конца. Из тесаных шаров, изображающих головы, торчали сучки с вырезанными в них ноздрями.

Спина больно ударилась о доски верстака, чудовищные деревяшки держали мои запястья и лодыжки, прижимая их к столешнице. Каждая из тварей была сильнее меня. Кукольник чем-то быстро залепил мне рот.

– Это фарфор, милая, – ласково сообщил он, – на губах его незаметно, но шевелить ими тебе он не даст.

Я немедленно попыталась. Безуспешно. Теперь мне были отчетливо видны глаза кукольного мастера. В них вовсе не было зрачков, а радужка пульсировала алой спиралью.

– Молчаливая и прекрасная, – вещал безумец. – Да не дергайся ты, через пару дней нашлепка рассосется. А я к тому времени буду уже далеко... и живым...

Он запнулся, мысли его перескочили на другую тему:

– Ты плохо одета. Ни один синьор не покусится на эти лохмотья. Болваны, разденьте ее. Другое платье, снимите с той. Выполнять!

Я мечтала об обмороке, о забвении, о смерти. Но мироздание такого подарка преподнести мне не собиралось.

Обнаженной я оставалась недолго. Деревяшки обрядили меня в голубое платьице, надели на босые ноги атласные туфли.

Чуть повернув голову, я посмотрела на голую фарфоровую куклу, лежащую у камина. Ее прекрасное лицо с широко открытыми фиалковыми глазами было неподвижно, а потом левый глаз мне подмигнул.

«Она жива! – заорала я мысленно. – Эта... путтана вас дурачит! Хватайте ее! Отпустите меня!»

Безумец, вместо того чтоб услышать мои мысли, приказал:

– Тряпье в огонь.

«А-а-а! – От беззвучного крика заложило уши. – Чикко!»

Саламандры принялись за дело. Язычки пламени весело разбежались по шелку и атласу, моих ноздрей коснулся ни с чем не сравнимый аромат горящего сандала. Взгляд затуманился, но зажмуриться я не смела. Двенадцать саламандр! Жар, вызванный для обжига фарфора, сейчас превращал в пепел мою драгоценность.

Я сморгнула слезы. Дюжина огненных ящерок кружила в танце вокруг полупрозрачной сферы, они сплетали хвосты, взмахивали лапками, изгибались и подпрыгивали. Сфера вспыхнула так ярко, что на мгновение я ослепла. Когда зрение вернулось, яйца в камине не было, зато алая крошечная саламандра стрелкой шмыгнула на верстак. Я ощутила шевеление волос на затылке и прохладные лапки, охватывающие мое ухо.

«Чикко! Девочка моя. Если бы не жар двенадцати...»

Додумать приятную мысль мне не дали. Деревянные болваны, понукаемые кукольным, уложили меня в деревянный ящик, закрепили руки, ноги и даже шею атласными лентами и опустили крышку.

Стало темно.

Крошка-саламандра сжимала пальчиками мою мочку. Как приятно. Раньше мне приходилось держать в руках огненных саламандр, разумеется, надев перед этим перчатки. Кожа зверьков всегда была обжигающе горячей. Моя же Чикко излучала мятную прохладу.

Ничего, мы справимся. Подруги меня разыщут. Встрежуются, что меня давно нет, пойдут проверить.

За пределами моего гроба меж тем происходили какие-то события. Кажется, там кипела драка. Ну, судя по звукам. Дерево ударилось о дерево, кукольник лепетал что-то вроде: «Как же так, щепка от щепки, ваш папенька Джузеппе...» Потом он охнул и затих.

– Папенька Джузеппе, – произнес некто глубоким женским контральто.

И топот десятка деревянных ног, а после – тишина.

Бунт кукольного воинства? Побег?

Дергая руками и ногами, я попыталась освободиться от пут. Немедленно стало жарко.

– Он мертв? – трескучий мужской голос.

– Сопит и воняет.

«Чумные доктора» вернулись.

– Его кукла тоже. – Похлопывание по крышке моего ящика. – Я ее чую.

Я замерла, затаив дыхание.

– Значит, хорошая кукла, от настоящей девы не отличишь. Где остальные?

– Он успел их сжечь? Посмотри в камине.

– Сам посмотри.

Трескучее двойное хихиканье.

– Бери ящик, а я займусь маэстро.

Гроб покачнулся, меня куда-то несли. Раздался скрежет камня о камень, видимо отодвигалась плита.

– А он хорош, этот Дуриарти. Раньше мне не встречалось мастеров, столь просто вдыхающих жизнь в своих созданий.

– Лукрецио умеет подбирать людишек.

– Этого у него не отнимешь.

– А что отнимешь? Ничего не позволит.

Мне показалось, что мы уже на свежем воздухе. Ну насколько он может быть свежим в Аквадорате, каналы которой принимают в себя все городские отходы.

Гроб перевернули, отчего я повисла вниз головой, атласная лента больно врезалась в шею.

– Установите ящик на плот неподалеку от мола, – сказал «доктор». – Плот уже сколотили?

– Точно так, хозяин, – прошепелявили в ответ. – После полуночи течение отнесет его аккуратно к выходу из лагуны. Все как вы велели.

– Отправляйтесь.

Мой ящик качнулся, его перехватывала больше чем пара рук.

– Желаете, мы по дороге и этот труп притопим?

– Не твоя забота, Упырь.

– Как скажете.

Стук. Покачивания изменили интенсивность. Гроб стоял теперь в плоской гондоле.

Значит, меня оставят у мола, который защищает остров Николло, самый крупный из островов, опоясывающих аквадоратскую лагуну. Что сказал Упырь? После полуночи течение... Значит, еще не полночь, до Николло часа два пути, на одновесельной городской гондоле все два с половиной. Получается, сейчас...

Покачивания опять изменились, ящик переставляли в другое судно. Голосов стало больше. Гребцы! Гребная галера. До полуночи осталось совсем немного. Подруги должны были уже встревожиться. Ох, лучше бы им не направляться на мои поиски.

На море меня всегда клонило в сон, вот и сейчас я, кажется, задремала, потому что отрывистые команды того, кого называли Упырем, прозвучали неожиданно:

– Здесь закрепи, да понадежней.

– А чего там? Покойник? – Вопрошающий смачно сплюнул.

– Дожу Муэрто подарочек. Не замай! Открывать не велено. Меньше знаешь, дольше проживешь. Все, парни, отплываем.

И вскоре вокруг меня царил лишь шелест волн.

Зевать заклеенным ртом оказалось процессом нетривиальным, но я все же зевнула и принялась дергать правой рукой, решив, что, если удастся освободить ее, дальше будет проще. Я вспотела, разозлилась, устала, подремала, стала дергать опять, уже слыша крики наглых аквадоратских чаек. Значит, уже рассветало и течение выносило мой плот к выходу из лагуны, а навстречу мне стремительно двигалась «Бучинторо», церемониальная галера, на которой дож каждый год проводит обряд обручения с морем.

Учениц «Нобиле-колледже-рагацце» на праздники не пускали, позволялись лишь школьные балы, на которые приглашались родственники воспитанниц, но лет пять или шесть назад папенька отвез меня полюбоваться обрядом. Наша гондола плыла в веренице прочих, а его серенити, его безмятежность Дендуло в рогатом головном уборе стоял на корме золотой галеры «Бучинторо», возглавляющей процессию.

Тогда душка дож, как все его называли за доброту и приветливость, воздел руку и бросил в воду драгоценный перстень.

Зрелище меня впечатлило не особо. Видимо, для полноты требовалась вовлеченность, надо было находиться рядом с его безмятежностью, слышать возносимые молитвы и священные слова, обращенные к морю.

У его серенити Муэрто это обручение должно было стать первым. Дождь был новенький настолько, что я даже не знала, как он выглядит. Монет с его профилем отчеканить не успели, а во Дворец дождей, что на площади Льва, учениц «Нобиле-колледже-рагацце» отчего-то не приглашали.

До меня донеслись звуки музыки и треск шутих. Процессия приближалась.

Кракен всех раздери! Я замычала от бессилия. Чикко встрепенулась, будто ждала именно этого, и скоро ее лапки пробежали по моему запястью. Малышка хочет перегрызть ленту? Опомнись, Филомена, у ящериц нет зубов. Кожу обожгло, рука прижалась к боку. Чикко пережгла атлас. Она это все-таки умеет?

Где-то вдали гроыхнул залп. Лагуну защищала артиллерийская батарея. По чему они палят? Атака с моря?

Чикко перебежала на мою левую руку, плот дернулся, сев на мель, и подпрыгнул от взрывной волны. Стеляют по мне?

Чикко скользнула к ногам. Я разорвала шейную ленту, толкнула крышку и села, ослепнув от яркого солнечного света. Пока я протирала глаза, в полумиле справа в воду вонзилось еще одно ядро, а саламандра обхватила лапками мое ухо, хлестнув хвостиком по мочке.

Я выпрыгнула из гроба. Солнце светило в спину, «Бучинторо» блистала в его лучах золотыми боками, на ее корме блистал золотыми боками и рогатой шапкой дож. Обернувшись, я приставила ко лбу раскрытую ладонь, всмотрелась в море. Палили с острова Николло. Но, кажется, не по мне. В волнах что-то темнело, что-то огромное, глянцевое. Оно лавировало, преследуемое флотилией быстрых парусных лодок. Залп, одна из лодок перевернулась. Глянцевая спина вознеслась над волнами. Откуда здесь головоног? В теплое время года они впадают в спячку. Какой дурак будет использовать против безобидного моллюска артиллерию?

Лодки отстали, головоног уже шлепал по мелководью. Это самка! Она беременна! Какая подлая тварь посмела напасть на беременную женщину? Какая подлейшая персона отдала такой приказ?

Я с ненавистью посмотрела на «Бучинторо» и только теперь заметила гарпунную пушку по правую руку от дожа.

Спрыгнув с плота, я побежала по отмели навстречу головоногу. Уходи, дурочка, сейчас в тебя вонзится стальное копье, тебя протащат к галере, ты станешь знаком благосклонности моря к Аквадорате, к новому дожу. Твое брюхо будет распорото, а мертвые детишки отданы на потеху кровожадной публике.

Кричать я не могла, зато могла размахивать руками и громко думать. Головоноги улавливают мысленные эманации. Уходи, спрячься, затаись. Что тебе эти смешные людишки с их смешными лодчонками и смешными пушками? Под толщей моря они тебя не достанут, уходи! В глазах потемнело, самка меня поняла. Щупальца свились в пружины, вытолкнув бесформенное тело в воздух. По плавной дуге головоног пролетел в сторону острова и скрылся под водой.

«Ей не нужно плыть, – думала я. – Она пройдет по дну, забьется в расселину».

– Как зовут тебя, прекрасная русалка? – спросил веселый мужской голос.

Слишком знакомый, чтоб быть приятным. Глаз с этого расстояния я рассмотреть не могла, лицо же под дурацкой золоченой шапкой принадлежало молодому синьору с хорошими зубами. Его серенити улыбался, не улыбался даже, а скалился. Стронцо, путтана, кракен его раздери.

Он что-то проговорил в сторону, и с бортов галеры спрыгнуло несколько одетых в гвардейские камзолы мужчин, быстро поплывших в мою сторону. Я сняла с уха Чикко. Ящерка сейчас была голубой, видимо, под цвет моего платья. Она изогнулась и выпустила язычок синего пламени. С саламандрами такое дело, огонь для них – это некий выхлоп жизнедеятельности, то есть извергают они не из того отверстия, которым питаются. Такой вот, извините, пук.

– Синьорина немая? – спросил первый из доплывших гвардейцев, выбравшийся на отмель.

Я кивнула, Чикко взбежала по руке, заняв привычное местечко. Наверное, саламандру можно принять за дамское украшение. Хороша же я, наверное: в неприлично коротком кукольном платьице, с волосами, пружинно взъерошенными от влаги, и ящерицей на ухе. Гвардеец

вон совсем протек, не зная, на чем взгляд успокоить: на голых ногах или на декольте. Интересно, меня казнят? За то, что помешала хорошему предзнаменованию.

– Синьорина немая.

– Немая...

– Немая...

– Госпожа, позвольте вам помочь, позвольте руку, ножку сюда. Винченцо, где весла? Госпожа, присядьте, Винченцо, толкай.

Я сидела на своем гробу, чинно сложив руки на голых коленках, гвардейцы гребли, пустив плот по направлению к «Бучинторо».

– Мы женимся на вас, море, – вещал дож громогласно. – Примите сей драгоценный перстень в знак нерушимости наших уз.

Кажется, морскому жениху я не понравилась: кольцо просвистело у моего уха и не попало в глаз лишь потому, что я уклонилась. По мере того как сокращалось разделяющее нас расстояние, я слышала все больше.

– Артуро, другое кольцо, – командовал дож вполголоса. – Нет, два, пусть будут парные. И притащи кардинала с его гондолы. Что значит зачем? Женить. Свершать таинство брака.

Что он несет? Обряд только что свершился.

Артуро, единственный синьор, на котором я заметила маску, с поклоном удалился.

– Держать равновесие, все назад, – скомандовал гвардеец и протянул мне руку, подводя к краю плота. – Ваша безмятежность, принимайте дар моря.

Цепкие твердые пальцы обхватили мое запястье и втащили на борт «Бучинторо». Каблуки атласных туфель щелкнули о палубу.

– Гаденыш Мадичи постарался с подарком, – сообщил дож и снял с моей головы мокрый голубой бант. – Какая гадость.

Мне захотелось умереть. Еще и бант.

– Ты немая? Чудесно. То есть менее отвратительно, чем все остальное.

Бант шлепнулся в воду. Возникло желание умереть вдвоем с его серенити. Я его узнала, нашего тишайшего, нашего Муэрте. Правда, глаза его оказались вовсе не серебряными, а цвета спокойного моря, невероятно светло-зелено-голубыми. А еще я знала, что под многослойными золотыми церемониальными камзолами скрывается мускулистая долговязость капитана Чезаре. Отчего я решила, что он тоже Маламоко? Среди кузенов не обязательны одинаковые фамилии. Прочее фамильное сходство налицо – смуглое, длинноносое лицо с острыми скулами и подбородком. И волосы похожи на шевелюру Карлы, такие же волнистые и черные.

Я опустила взгляд. Дождь был обутом в расшитые камнями сапоги. Страшно представить, сколько драгоценностей на это пошло, с эдакими-то лапищами.

– Море послало нам супругу!

Он проорал это так неожиданно, что я вздрогнула.

– Да, мы немедленно обвенчаемся!

До меня стало доходить, что с тишайшим Чезаре мы вовсе не наедине, что вокруг «Бучинторо» целая флотилия гондол, лодок и галер, что музыка не утихает и что публика неистовствует.

– Море любит Аквадорату! – прокричали с алой гондолы. – Русалка прелестна!

– Какие ножки!

– Какие волосы!

Дождь кивал и улыбался:

– Консумация будет сладкой!

Забавное слово. Что оно обозначает? Название десерта? А улыбается его серенити странно, просто растягивая пухлые губы, глаза при этом холодны или даже злобны.

– Русалка, взгляни на меня! Сто базантов за улыбку и тысячу за поцелуй!

– А на тебе можно неплохо заработать, – пробормотал дож, приобнимая меня за плечи. – А, рыжая?

Я наступила каблуком ему на ногу и отстранилась.

– Еще и скромница? Или пытаешься набить себе цену?

«Торгаш, ничтожество, стронцо! – думала я изо всех сил. – Чтоб ты облез, полысел и лишился всех зубов! Чтоб Паола Раффаэле затискала тебя до смерти!»

Чезаре не был головоногом, он меня не услышал. Обернулся в сторону, проорал приветливо:

– Ваше высокопреосвященство! Каково?

К нам приближался низенький старик в кардинальской мантии. Я сложилась в поклоне и, схватив монсеньора за руку, поцеловала рубиновый перстень.

– Малышка набожна, – проскрипел кардинал. – Как ее зовут?

Я подняла к небесам полные страдания глаза.

– Девица немая, – похвастался дож. – Каково?!

– Чезаре, сын мой, не зная имени девицы, я не смогу вас обвенчать.

– Так нареките ее сами, минутное дело.

– Если ее уже крестили...

– Где? Или вы втихую организовали подводную епархию?

Клоунада пред ликом его высокопреосвященства! Непотребство какое.

– Синьорина, – прошелестело у плеча, и я посмотрела на Артуро. – Вы можете писать?

Кардинал тоже услышал вопрос. Он выхватил у гвардейца записную книжку с прикрепленным карандашиком и протянул мне:

– Напиши имя, данное тебе при крещении, дочь моя, и фамилию, которой наградили тебя предки, если она есть.

Мне подумалось, что писать как раз не стоит, потому что дело принимает вовсе ужасный оборот, но врать священнику я не могла и не исполнить приказа – тоже.

Я вывела на белом листе:

«Филомена Саламандер-Арденте».

Кардинал вчитался:

– Я знаком с твоим батюшкой, Филомена. Чезаре, венчание откладывается. Сначала тебе придется испросить благословения синьора Саламандер-Арденте.

– Значит, так. – Дождь взял священнослужителя под руку, их рукава – золотой и алый – сплелись. – Синьор Мазератти, я прекрасно понимаю, сколь неприятен вам сей благословенный знак, поданный морем непосредственно мне.

– Синьор Муэрто! – Кардинал попытался выдернуть руку, но после пары трепыханий обмяк.

– И прошу вас, ради бога, презреть наши личные обиды, а задуматься о процветании Аквадораты. Море послало эту деву, чтоб отогнать от города чудовищного кракена, кто эта дева и как именно море это провернуло, сейчас не важно. Как говорят в народе про грешные связи, мальчик, девочка... какая разница...

Две пары глаза встретились в безмолвном поединке, карие против цвета спокойного моря, и последние победили.

– Обвенчайте нас!

– Может, лучше в соборе? – предложил напоследок кардинал. Он отчего-то выглядел смущенным.

– Здесь и сейчас, – ответил дож. – Артуро, кольца.

И нас обвенчали. Толпа гудела, била в барабаны, дула в свирели, терзала струны виол, я стояла на коленях рядом с гарпунной пушкой, у правого моего плеча в той же позе стоял

Чезаре. Обращенных к нам слов я не понимала, но, замычав, когда меня больно дернули за волосы, поняла, что только что сказала «Да».

Потом кто-то заорал:

– Поцелуй!

Мы уже опять были на ногах. Его серенити притянул меня к себе и прижался губами к фарфоровой нашлапке.

«Так тебе и надо, стронцо», – подумала я.

Но дож фарфором полностью удовлетворился.

– Артуро, мы возвращаемся. Ваше высокопреосвященство, жаль, что вы уже уходите. Филомена, улыбайся, подданным нужна приветливая догаресса.

Глава 3

Чертова кукла и Совет десяти

Дож Аквадораты взошел на «Бучинторо», пришвартованную точно меж двух колонн пьедесты, примыкающей к площади Льва. Парчовые одежды поскрипывали под тяжестью нашитого на них золота.

На открывающейся глади канала Санта-Леоне уже дрейфовали гондолы зрителей, ожидая, пока галера его серенити отчалит. Процессия обещала получиться больше, чем в прошлом году. По городу поползли слухи, что в водах лагуны моряки заметили кракена и что дож Муэрто, когда ему об этом доложили, велел установить на своем судне гарпунную пушку. Вот прямо бросил в секретаря десертной ложкой и велел. Обряд обручения с морем проходил в Аквадорате ежегодно, кракена здесь не видели никогда, в ложечку верили.

«Бучинторо» отошла от причала, гребцы синхронно взмахнули веслами.

– Артуро.

– Да, ваша безмятежность?

– Ты отправил приказ батареи? – Дож едва шевелил губами, и помощнику приходилось прислушиваться. – Там хорошие артиллеристы?

– Они разнесут плот со второго залпа.

– Рыбаки патрулируют воды?

– Да, да, да. – Артуро Копальди поправил маску. – Как только с лодок увидят этот треклятый плот, капитан Гаруди подаст сигнал, и пушки...

– Мне это не нравится.

Помощник воровато оглянулся и быстро проговорил:

– Чезаре, расслабься. Кракена выпустят, как только мы выйдем из Санта-Леоне, и погонят тебе навстречу. Ты получишь свое хорошее предзнаменование.

– Нужно было тайно прочесать лагуну и найти плот.

– У нас не было времени! И где бы я взял столько людей? Все они заняты твоим осьминогом!

– Вы, синьор Копальди, проявляете наглость, не присущую обычно покойникам.

– Простите, тишайший Муэрто. Надеюсь, ядро разнесет на кусочки вампирского гомункула.

– Надежда! А если нет? Если чертова кукла останется неповрежденной, если...

– Публика отвлечется на ваше, ваша серенити, сражение с кракеном.

Беседа, ведущаяся вполголоса, волшебным контрастировала с жестами, которыми сопровождалась. Дож безостановочно вздымал руки в приветствиях и улыбался, хотя из-за тяжести расшитых рукавов давалось это непросто.

– Отметь, где ты там отмечаешь, чтоб на этой неделе по городу распространился слух, что дож Муэрто собирается найти себе супругу.

Артуро прикоснулся к виску, показывая, что запомнил.

– Девица уже выбрана?

– Нет, мы объявим о намерениях и подождем лучшего предложения. Представь, дружище, вчера, перед тем как я отправился в логово гаденыша Мадичи, в мои объятия приземлилась синьорина Раффаэле, ну ты должен помнить, остров Помо-Комо и разозленный родитель, не желающий отдавать дочурку за простого капитана.

– Паола?

– Ну да, – несколько неуверенно подтвердил дож. – Как только до их дыры дошли новости о новом правителе Аквадораты, синьор губернатор засобирался в столицу, чтоб определить наследницу в школу благородных девиц.

Артуго понимающе хмыкнул:

– Она заметила тебя в гондоле?

– Да, эта треклятая школа стоит по соседству с палаццо Мадичи, и благонравная Паола сразу же полезла на крышу, чтоб за мной проследить. Помнишь, она лазит, как кошка?

– Ловкая синьорина.

– Ну вот, я только успел причалить и натереться тем самым волшебным экстрактом, уничтожающим запахи, что ты купил у алхимиков со Свинцового моста, как ловкая синьорина Раффаэле вышла ко мне поздороваться.

– Алхимики предупреждали, что снадобье действует три четверти часа.

– И треть этого времени я потратил на объяснения! – Дождь бросил взгляд в сторону моря и громко скомандовал: – Легче грести, мы опережаем график.

Движение замедлилось, дож продолжил уже тихо:

– И, если бы не это, вполне вероятно, успел бы услышать, куда именно гаденыш Мадичи отправит свой подарочек.

– Вампир тебя не учуял, значит, снадобье работает. Я закажу еще.

– Можешь не торопиться, Лукрецио скоро сам выйдет из тени.

– Покойный Дендуло говорил, что Мадичи не показываются на поверхности более полувека.

– Выйдет, – протянул Муэрто, – попомни мое слово. И нам придется пригласить эту развалину в какой-нибудь городской совет по какому-нибудь аристократическому древнему праву. Кстати, собери законников, мне нужно обсудить введение нового мусорного налога, каналы уже превратились в помойку.

«Бучинторо» величественно выходила в лагуну из устья канала. Артуго заметил на горизонте лиловую вспышку.

– Кракена выпустили. – Полыхнул красный сигнальный огонь и сразу же раздался выстрел пушки. – Плот также обнаружен.

– Заткнись, – велел дож, – и почтительно оботри мне лицо чем-нибудь не парчовым и не золотым, я вспотел, как девка под клиентом.

Артуго промокнул лоб Муэрто носовым платком.

– Мы почти вышли на позицию, дело за малым.

– Что за... – Чезаре отвел руку помощника и самостоятельно протер глаза. – Ты это видишь?

По мелководью, высоко поднимая ноги, бежала... кукла. Синьор Копальди покупал похожих своим многочисленным племянницам, в точно таких же коротеньких платицах с пышными юбками и с торчащими во все стороны волосами. Только, разумеется, подарки были гораздо меньше размером.

– Со второго выстрела? – Если бы взгляды убивали, Артуго был бы уже мертв. – Ты приставил к батарее кротов?

Синьор Копальди попытался сказать что-то в оправдание, но светлые глаза уже вернулись к морю.

– Галера там не пройдет. Обогнем с севера? Навались!

«Бучинторо» устремила к отмели.

– Что она делает? – спросил помощник.

– Лишает меня добычи! Дьявол вас раздери! Правая гребь, левая табань! – Галера повернулась, избегая отмели. – Чертова кукла! Суши весла, парни, будем наслаждаться зрелищем.

«Бучинторо» легла в дрейф, покачиваясь на волнах. Сопровождающая ее процессия запрудила лагуну, зрелища хотели все.

Артуро взглянул в лицо Чезаре, тот вслух размышлял:

– Итак, что видит перед собой почтенный горожанин? Морское чудовище, с которым не справились ни пушки, ни лодочная флотилия. Кстати, Артуро, выясни, нет ли погибших на той лодке, в которую попали твои слепоглазые артиллеристы. Если да, пенсию семьям я выплачу из твоего жалованья.

– Как прикажете, ваша серенити.

Дождь махнул рукой: не отвлекай.

– Значит, никто не смог, а полуголая девица смогла. Вполне эпично, про это поэмы слагать будут. Кстати, закажи кому-нибудь из модных поэтов. И балладу тоже, и скабресную песенку, чтоб приятно было распевать ее по кабакам.

Артуро молча кивал.

– Девицу послало нам море. Кстати, послало в такой короткой юбке, чтоб ни у одного почтенного горожанина не возникло сомнений, что ноги у девицы есть. Тут сочинителям куплетов будет где развернуться.

Синьор Копальди вежливо напомнил его безмятежности, что существует народная сказка о русалке, которая обменяла свой голос на возможность ходить по суше. На что удостоился обещания оплатить часть пенсий из городской казны.

– Идеально, если кракен сейчас пожрет спасительницу Аквадораты, – мечтательно вздохнул тишайший Муэрто. – Тогда мы скажем, что девица была немая, и закажем торжественную оду.

Но чудовище жрать не спешило, оно взвилось к небесам, пролетело более полумили по плавной дуге и скрылось в волнах.

Дождь вздохнул для разнообразия скорбно:

– Эх, а какой отбор невест можно было бы устроить на нашей площади Льва, сколько денег натрясти с заинтересованных родителей...

И прокричал:

– Как зовут тебя, прекрасная русалка?

Девушка промолчала.

– Парни, доставьте это чудо на «Бучинторо» с максимально возможной торжественностью.

Это выражение лица Чезаре Артуро Копальди знал прекрасно, оно озаряло лик синьора Муэрто, когда тот затевал большую авантюру.

Гвардейцы попрыгали в воду, чтоб исполнить приказ.

– Ваша серенити, – пробормотал помощник, – обряд обручения с морем не завершен.

– Что? – Горящий взор дождя отвлекся от приближающегося плотика. – Ах да, дай кольцо.

И, прокричав ритуальную фразу, Чезаре швырнул перстень.

Девушка – или кукла – оказалась потрясающе красивой. Светло-рыжие волосы волнистой копной спускались до пояса, кожа поражала гладкой чистотой, а глаза – цветом. Это был аквамарин. Обнаженные ножки были стройны, грудь, видневшаяся в вырезе платья, округла и пышна. На правом ушке «русалки» Артуро заметил украшение в виде крошечной голубой саламандры, а еще заметил странный цвет ее губ, их будто смазали помадой, забыв поправить рисунок кисточкой.

Тишайший Муэрто развил бурную деятельность. Он хотел немедленно жениться, чтоб хоть так отобрать у красотки свою победу. Он спорил с кардиналом, отдавал приказы, расточал улыбки.

Когда девушка написала свое имя – Филомена Саламандер-Арденте, – у синьора Копальди отлегло от сердца. Значит, она не творение кукольника, не гомункул, а женщина из

плоти и крови. Хотя Чезаре говорил, что Мадичи отправит к нему убийцу. Может, экселленсе поработил сознание Филомены, вложив в него приказ? Говорят, дети ночи выродились, говорят, что они не те, что прежде, но Лукрецио – древний вампир, и никто не может знать предела его возможностей.

Новобрачные поцеловались под приветственные крики подданных. Процессия направилась в город, дож с догарессой стояли рука об руку на палубе «Бучинторо» и так же, рука об руку, проследовали во дворец по алой ковровой дорожке, расстеленной от причала. Все происходило размеренно и важно. Филомена, кажется, не отдавала себе отчета в происходящем, смотрела прямо перед собой, высоко держа голову. Она ни разу не улыбнулась, не заплакала и не выразила лицом никаких чувств. Длинные стройные ножки шагали в такт поступи тишайшего супруга.

Толпе она нравилась, пресыщенная зрелищами аквадортская публика готова была утопить свою новую госпожу в поклонении и обожании. Люди аплодировали, кричали, кто-то бросил ей под ноги горсть монет, и уже через несколько минут дорожка из алой стала золотой.

Такого никогда не бывало. Остаток пути до Бумажных ворот, главного входа во Дворец дожей, новобрачные преодолели по щиколотки в деньгах. Чезаре явно блаженствовал: его первое обручение с морем войдет в историю.

Но, очутившись в личных покоях, дож поручил догарессу служанкам, будто утратив к ней интерес, и заперся с Артуро в кабинете.

Праздник еще не закончился, но продолжение предстояло перекрыть и сшить заново. Артуро, не полагаясь на память, только успевал записывать отрывистые приказания.

– Второй трон... Нет, возьмите парный из залы заседаний и установите прямо на лестнице Гигантов. Платье, драгоценности... Пусть камни подберут под цвет глаз... Архивариус... Отряхни со старичка пыль, через час я хочу знать все о Саламандер-Арденте...

Через час дверь кабинета снесло с петель и в коридоре закричали, что донна Филомена, кажется, умерла.

* * *

Как я не умерла, посмотрев на себя в зеркало, останется тайной в веках. Я была ужасна, непристойна, грязна, в конце концов. Ах, еще я была замужем! Но о последнем старалась пока не думать.

Мне требовалась ванна, чистая одежда и мои подруги. Приоритеты я расставила, вообразив выражения лиц Карлы и Мауры, явись я перед ними в кукольном платьице.

Ах, еще мне нужен был развод!

Нашлепка с губ отдираться не желала. Я царапала ее ногтями, пыталась укусить изнутри, но добилась лишь вкуса крови во рту.

Зеркало меня расстроило, поэтому я перешла в другую залу, с драгоценными шпалерами на стенах и резными потолками.

Отец! Я напишу отцу! Он не давал согласия на брак, наши юристы могут оспорить законность... Опомнись, Филомена, ты обвенчалась с Чезаре Муэрто! С дожем! Матушка меня убьет.

Итак, ванна.

Когда супруг представлял мне служанок, те почтительно кланялись, выстроившись полукругом под парной лестницей. Я тогда на девиц едва взглянула. Кажется, их было более десятка, кажется, они были хорошенькими, и на каждой было платье с золотым позументом, нормальной, заметьте, длины.

Чикко возбужденно сбегала по моему плечу на ладонь, повела из стороны в сторону головкой. Что? Камин? Он не горит, и это тебе не нравится?

Я поднесла саламандру к дровам, те вспыхнули, и ящерка блаженно нырнула в языки пламени. Шкурка ее безостановочно мерцала, изменяя цвет. Маджента, волшебство.

Подойдя к лакированному креслу, я села. В доме Саламандер-Арденте служанка была одна, горничная Симонета, вдовая синьора в самом расцвете лет. Она иногда помогала мне одеваться, подавала матушке утренний кофе и прислуживала за столом, если на обед являлось одновременно более трех членов семьи. Как отдать приказ Симонете, я знала.

На низком столике я заметила колокольчик, а в спальне, кажется, было бюро, такое же вычурное, как и прочая мебель.

Вооружившись предметами для письма, я резко встряхнула колокольчик, призывая прислугу. И они явились, две волшебные нимфы в золотистых платьях. Их высокие прически покачивались подобно косым материковым башням, вызывающим смех аквадоратских зодчих.

– Донна догаресса, – протянула левая тоненьким голоском. – Чего изволите?

Окунув перо в чернильницу, я вывела:

«Пожалуйста, ванну и чистое платье».

– Это невозможно, донна догаресса, – голос правой был еще противнее. – Пресная вода – на вес золота, мы берем ее в дворцовом колодце раз в день, и сегодняшние запасы уже исчерпаны.

Две пары глаз смотрели на меня с одинаковым выражением наглой безнаказанности.

«Кувшин для умывания?» – вывела я, чувствуя, как щеки заливают беспомощным румянцем. Мне как будто снова было шестнадцать и я терпела насмешки маркизетты Сальваторе.

– Боюсь, все они заняты.

– Тишайшая донна.

Перо хрустнуло, когда я жирно перечеркивала вторую просьбу. Резко поднявшись, я пошла к двери, сжимая в кулаке лист бумаги.

– Куда? – колыхнулись башни.

– Вам не позволено покидать...

Чикко прохладно охватила мое ухо и выпустила в сторону служанок струю пламени. Девушки завизжали, я покинула комнату. Путтаны! На них были одинаковые кольца, золотые печатки с изображением мертвой головы. Тишайший супруг отдал меня на потеху и поругание личному гарему? Стронцо Чезаре!

– Задержите ее! – прокричали из-за спины, и в коридоре стало многолюдно.

Мягкие, рыхлые, грудастые женщины пытались заступить мне путь, ухватить за волосы, поставить подножку. Действовали они молча, видимо, опасаясь шума, чем напомнили мне деревянных болванчиков маэстро Дуриарти. Я ляглась, била наотмашь, расталкивала горничных. Чикко пытела, накапливая жар. Довольно скоро до меня дошло, что соперницы опасаются мне навредить, и я удвоила усилия.

Дверь, за которой скрылись его серенити с помощником, я помнила прекрасно, и до нее оставалось с десяток шагов, когда спина моя ощутила мощный тычок.

Упав на четвереньки, я стукнулась об пол коленями. В голове гудело. Что происходит? Я попыталась встать, но лишь растянулась во весь рост.

– Ты убила ее, Клаудиа? – спросили громким шепотом.

– Ни звука! Перенесем девушку в спальню... Джина, помоги. Скажем, что донна Филомена прилегла отдохнуть...

– Его безмятежность спросит...

– А мы ответим...

– Мы все повязаны, ни одна не избежит наказания.

Накатили одновременно слабость и тошнота, в глазах потемнело. Кракен меня раздери, это обезвоживание! Я не пила уже около двадцати часов, соль моря выдавила из меня остатки влаги.

Воспользовавшись тем, что горничные отвлеклись на совещание, и собрав все силы, я поползла к двери.

«Чикко, девочка, ты волшебное создание, ты вполне можешь уловить мысленную эманацию. Мне нужно туда, в кабинет. Очень нужно!»

– Она убегает!

– Держите!

– Ба-бах!

Дверь снесло, будто от мощного взрыва.

– Донна Филомена, кажется, умерла! – быстро сориентировавшись, в полный голос завопили девицы.

– Наша тишайшая донна!

– Наша серениссима!

Чикко пыхтела, накапливая новую порцию огня. Я подняла голову, упершись взглядом в носки расшитых драгоценностями сапог.

– Что здесь... – начал дож.

Ухватившись за край парчового камзола, я подтянулась и, перебирая руками как ярмарочная обезьянка, поднялась на ноги. На серебряных глазах его безмятежности можно было прямо сейчас чеканить его же профиль, и цветом, и формой они походили на монеты.

За спиной Чезаре я заметила помощника, письменный стол с ворохом бумаг и кувшин.

Вода!

Я взяла супруга за руку, вложила в его ладонь измятую бумагу, которую каким-то чудом не потеряла в драке, и проковыляла к столу. Наверное, наступила какая-нибудь сомнамбулическая тишина. Синьор Артуро, к примеру, выглядел крайне сомнамбулически. К слову, без маски он оказался вполне симпатичным молодым человеком.

Схватив кувшин, я вдруг поняла, что не смогу пить. Рот закрывала проклятая нашлапка! Сосуд был полон, ноздрей касался прохладный аромат чистейшей колодезной воды, а я не могла!

Может, сбежать по лестнице во двор и нырнуть в колодец? Тогда спасительная влага получит шанс проникнуть в меня через другие отверстия? В детстве Флоримон часто простужался, и маменька заставляла его полоскать нос и горло, направляя струю отвара попеременно в обе ноздри.

Я поставила кувшин на стол, наклонила голову, притапливая лицо, и потянула носом. Вода хлынула куда-то не туда, кашлять с закрытым ртом было ужасно больно. Изогнувшись, я прижала левую ноздрю пальцем, потянула левой, и когда немного жидкости оказалось у самой гортани, с усилием глотнула. Да!

– Какой кошмар, – сообщил мне дож, принимая пустой кувшин. – Мне позволено узнать, что еще в твоём организме, любезная супруга, устроено не по-человечески? Есть ты тоже будешь носом? Или...

Видимо, фантазия в этот момент завела Чезаре столь далеко, что словами это не выразилось.

Он поставил кувшин и расправил мое послание:

– Ванна и одежда? Вполне скромные желания. И наши слуги не смогли тебе помочь?

Встревоженные лица горничных маячили в дверном проеме, башня-прическа Клаудии качалась на заднем плане.

– То есть донна догаресса написала вам «Пожалуйста», а вы не смогли?

– Мы не поняли, – пропищала Клаудия.

– Прочь, – вздохнул Чезаре, – вы все уволены. Позовите управляю...

Свет померк, я потеряла сознание.

* * *

«Нобиле-колледже-рагацце» погрузилась в сон. Отзвучали упрёки, вступили в силу наказания, канал обезлюдел, ночные гуляки удалились в центральную часть города. Часы башни Четырёх отбили полночь.

– Филомена попала в историю, – сказала Маура.

Карла, сидящая на подоконнике, ничего не ответила. Панеттоне была права. Нарушительниц, как они и предполагали, заперли в спальне, посулив наутро жестокие кары. Все могло быть еще хуже, но несчастье, случившееся с директрисой, несколько отвлекло срочно вызванных в школу учителей. Сестра Аннунциата упала с лестницы, и ее увезли в городской госпиталь, вправлять вывихнутое плечо.

– Уверяю тебя, – говорила подруге синьорина да Риальто, – монашка сама натерла жиром эту треклятую ступеньку. Я ее за этим застала! Натерла, потом заметила меня и отвлеклась, забыла. Поскользнуться мог кто угодно!

– Капитанша обвинит нас.

– На нас теперь все навесят.

– Но зато никто даже не поинтересовался, где синьорина Саламандер-Арденте.

И здесь Маура произнесла ту самую, оставшуюся без ответа, фразу.

Девушки помолчали.

– Надо что-то делать. – Блондинка села на постели. – Вдруг на Филомену напала Паола?

– Голубка вернулась раньше нас, – возразила Таккола. – Ты же видела, как она хлопотала вокруг директрисы.

– А твой кузен?

– Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, – вздохнула Карла. – Чезаре для девиц безопасен. То есть я имею в виду, в том, что не касается девичьей чести. Но тут Филомена, я уверена, ему не уступит, прикрывшись любовью к Эдуардо, как щитом. Боюсь, Маура, что в рыжую головку нашей Львицы могла запорхнуть мысль посетить палаццо Мадичи. Эх, не нужно было отпускать ее одну.

Синьорина Маламоко решительно встала.

– Нужно проверить.

– Не позволю! – Синьорина да Риальто вскочила с постели и широко развела руки. – Мы уже один раз разделились. И что? Филомена пропала. Еще и твоей потери, Карла, я не переживу. Пойдем вместе.

– Панеттоне, булочка моя, я пролезу в те щели, в которых ты застрянешь.

– Значит, выбирай щели побольше.

– Если мы попадемся...

– Ах, Карла, нам нечего терять. Мы и так будем виноваты во всем, хоть в потопах, хоть в пожаре.

– Два месяца до выпуска.

– Меня возьмут замуж и без диплома, а ты...

– Останусь старой девой и буду нянчиться с твоими пухлыми детишками?

– Эх, жалко, что у меня только один брат и его я уже пообещала Филомене. Хотя... Тебе нравится Эдуардо?

– Ни в малейшей степени, – заверила Карла и выдвинула из-под своей кровати сундук. – Нам понадобятся маски.

– А как мы выйдем?

– Как те, кому нечего терять, – хихикнула синьорина Маламоко и протянула подруге белую маску Дамы.

Маура с удивлением наблюдала, как из сундука появляется связка отмычек, черный, за ним белый плащи, треугольная шляпа с плюмажем, трость.

– Ты переоденешься мужчиной?

– Можно и так сказать. – Синьорина Маламоко набросила поверх своего обычного черного, с высоким, до подбородка, воротником платья мужской плащ, надела на голову шляпу, а на лицо – напоминавшую кошачью морду Нягу¹. – Я готова, булочка, поторопись.

Отмычка в замке провернулась без звука. Обе отмычки, в обоих замках. Девушки вышли через парадный ход.

– У тебя припрятана гондола?

– Маура, ну как, по-твоему, возможно «припрятать» гондолу? – фыркнула Карла, запирая за ними двери.

Она отрывисто свистнула, всматриваясь в темноту канала, и вскоре послышался плеск весла.

¹ Няга – венецианская маска в виде кошачьей морды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.